

Чужое лицо

Автор:

Эдуард Тополь

Чужое лицо

Эдуард Владимирович Тополь

Это – НАСТОЯЩИЙ ШПИОНСКИЙ РОМАН.

В нем есть ВСЕ: и секретные лаборатории, в которых гении изобретатели работают над новым супероружием старой супердержавы, и отчаянная борьба асов из разведок и контрразведок – и, конечно, опасные и чертовски привлекательные «роковые женщины»!

Это – потрясающий шпионский роман. Он захватывает читателя с первой страницы!

Эдуард Тополь

Чужое лицо

Все персонажи и события, описанные в этой книге, включая регулярное появление советских подводных лодок у берегов Швеции, Англии, Италии, США и т. д., являются чистым вымыслом автора, что подтверждается многолетней миролюбивой политикой Советского Союза во всех частях нашей планеты.

Автор подтверждает, что эпизодическое проникновение советских атомных подводных лодок в территориальные воды западных стран вызвано чистым любопытством советских моряков к новинкам в европейской одежде, парфюмерии и цветоводстве и не имеет никакого отношения к военным целям.

Нью-Йорк, 1983 год

Плывать по морям необходимо, жить не так уж необходимо.

Пословица древних греков

Часть первая

Чужое лицо

1

– Ваша фамилия Ставинский? Роман Ставинский?

– Да.

– Вы получили американское гражданство?

– Да. Два месяца назад.

– Но вы тоскуете по России?

Ставинский посмотрел им в глаза. И усмехнулся. В конце концов ему уже наплевать, что о нем думают в CIA[1 - CIA – ЦРУ.]. Решительно наплевать. Он живет в этой дыре уже четыре года, и кому какое дело, о чем он тут тоскует. Он уже американец, полноправный американец, и плевать ему на CIA.

– Да, я тоскую по России, – сказал он с вызовом. – Ну и что?

– Вы хотите туда вернуться?

– Нет.

– Почему?

– Там меня прямо с аэродрома увезут в тюрьму.

– За что?

– За те интервью о Советах, которые я дал вашим радиостанциям сразу, как приехал в Америку.

– Но потом вы все же обращались в советское посольство, чтобы вам разрешили вернуться.

– Тогда я был моложе. Я бы отсидел пять лет и сейчас уже вышел. Что вы от меня хотите?

– Ничего особенного. Маленькую услугу. Если вам не нравится Америка...

– Разве я сказал, что мне не нравится Америка?

– Ну, если вы тоскуете по России...

– Это еще не значит, что мне не нравится Америка. Это замечательная страна, и я здесь ненавижу только одного человека.

– Нашего президента? За то, что ухудшает отношения с русскими?

– Нет. Самого себя. Я ненавижу себя в этой стране. Но к CIA это не имеет отношения. Зачем вы пришли?

– Помочь вам вернуться в Россию.

Он посмотрел на них удивленно.

– Нам нужно вывезти оттуда одного человека, – сказал один из них. – Вы полетите туда и... останетесь. А он по вашим документам прилетит сюда. Вот и все. Конечно, мы дадим вам советские документы на другую фамилию для жизни в России и деньги...

Ставинский распечатал пачку «Мальборо», выбил сигарету, прикурил и глубоко затянулся. Он ждал их шесть лет, этих джиннов, и вот они пришли. Не с неба, не из бутылки, а из CIA. Он затянулся еще раз. Хорошо же он выглядит в их глазах – небритый, в грязном свитере, мешки под глазами...

– Почему вы выбрали меня?

– Потому что вы похожи на того человека. Или он – на вас. Может быть, не в точности, но мы сделаем из вас двойников, это уже не проблема. Главное – форма черепа, цвет глаз и еще кой-какие детали. Смотрите. – И второй положил перед Ставинским веер фотографий. На первых – он, Роман Ставинский, в фас и полупрофиль (Ставинский узнал те свои фотографии, которые он сделал для получения американского гражданства три месяца назад), а на следующих, подрисованных, – вроде бы тоже он, но чуть-чуть другой – чуть курносей, коротко стрижен, и уши вроде другие. – Видите? Вас можно чуть переделать, и будет другое лицо. Такое или такое. Вы даже станете чуть моложе, хотите?

– А кто он – этот ваш? – спросил Ставинский. – Какая-то важная персона? Шпион? Или диссидент?

– Мы же еще не договорились, – ответил первый. – И пока вам этого знать не нужно. Ну? Так что вы думаете?

Ставинский откинулся в кресле и посмотрел на обоих. Они неплохо говорят по-русски, эти сукины дети. Наверно, были в России, и не раз. Он спросил:

– А если в Москве я тут же пойду в КГБ и стукну про это дело?

– Вряд ли. У вас тут остается дочь.

– Ну, она американка и не отвечает за отца. И выходит замуж за американца. Что вы ей можете сделать?

– Н-да... – сказал один из них. – С таким настроением вам действительно лучше не ехать. У нас есть другие кандидаты. – И он сделал движение, чтобы встать.

Ставинский усмехнулся:

– Подождите. Разве у меня тоже есть двойники?

– Не то чтобы двойники... Просто подогнать копии под оригинал можно с разных сторон, как вы понимаете. Мы просмотрели в архиве ФБР шесть тысяч русских эмигрантов вашего возраста и выбрали троих. Если вы откажетесь, у нас в запасе есть еще двое.

– Не стоит меня шантажировать. – Ставинский криво усмехнулся. – Значит, если я соглашусь – я должен там остаться. А если я захочу вернуться?

Они развели руками:

– Зачем? Когда вы обращались в советское посольство, вы же просились к ним навсегда. Даже готовы были отсидеть в тюрьме, чтобы жить в вашей любимой России. А мы вам предлагаем без всякой тюрьмы. Дорога за наш счет, настоящий советский паспорт и все другие документы. Конечно, вы уже будете там не Ставинским, а... каким-нибудь Ивановым или Егоровым – как захотите. Найдете работу, устроитесь. Зубные техники везде живут неплохо, не так ли? – Один из них встал. – А что касается предательства, то... у нас тоже есть свои люди в Советском Союзе. Предателя найдут. Но мы вам предлагаем честную сделку... Подумайте до среды. Вот наш телефон. Если вы не позвоните до среды, значит – вы не согласны. И тогда забудьте об этом разговоре. Всего хорошего.

– Постойте! Этот телефон... Здесь же код не нашего штата.

– 202 – это код Вашингтона. Вы можете позвонить нам в коллект, за наш счет.

– Я не об этом! Значит, вы специально прилетели с того побережья?..

– Этого требуют интересы нашей и пока еще вашей страны. Я говорю об Америке, – сказал один, но улыбнулись они оба.

– Но я же неделю назад видел вас тут на рыбалке...

– Еще вы могли видеть нас в баре напротив, и у вас в клинике, и в других местах. Мы с вами знакомились. Издали. У вас есть еще вопросы?

– Еще бы! Тысяча!

– На них мы вам дадим ответ в Вашингтоне. Если вы позвоните нам до среды. До свиданья!

И они вышли.

Ставинский подошел к окну. Со второго этажа ему было видно, как они, не оглядываясь, сели в синий «шевроле» и укатили от его дома. Вот те раз! Хорошо, что Оли нет дома. Хотя если они следят за ним уже не меньше недели, то они знают ее расписание. Впрочем, о чем он думает? Россия! Москва! После эмиграции ему три года снился запах сирени за окном его московской квартиры. И все шесть лет эмиграции ему снятся московские девочки, ни одна американка не приснилась ему за это время, хотя, казалось бы, американские шлюхи ничем не хуже русских, делают все то же самое, и все-таки... Но спокойно, спокойно. Ему сорок шесть лет, у него тут дом и неплохая работа, две машины, и какие! О таких и не мечтать в России, там «Жигули» или «Москвич» – предел роскоши. У него тут дочь, и он ее любит. А кого еще тут любить? Этот дом, в котором ему нечего делать, когда Оли нет дома (а ее нет дома все чаще и чаще, а скоро и вообще не будет)? Или Барбару – сорокалетнюю продавщицу из магазина «7/11», у которой он ночует два раза в неделю? Что ему любить тут, в этой стране? Он поздно сюда приехал, поздно. Оттуда, из России, Америка казалась идеальной и сказочной. Все, чего не было в России, было здесь: роскошные машины, отели, миллионеры, путешествия по миру, собственные самолеты и яхты. Но... все, чем был он в России, – этого нет здесь. Здесь он никто и ничто – лаборант в зубопротезной больнице, делает старухам протезы. И то слава Богу, что отец выучил его этому ремеслу с детства и мать заставила пойти в медицинский институт. Иначе бы он тут загнулся, как погибают все сорокалетние журналисты-эмигранты, какими бы расталантливыми они ни были там, в России. Кому они тут нужны с их чудовищным английским, на котором они не только писать, но и разговаривать толком не умеют? Да, он поздно сюда приехал, поздно. Правильно говорят эмигранты – сначала Америка кажется страной неограниченных возможностей, а потом ты видишь, что эти возможности не для тебя. Здесь нужно родиться или хотя бы приехать сюда, как его Оля –

двенадцатилетним. А приехать в сорок лет – это было аферой и самоубийством. Так что? Ехать обратно? Такой случай! Такой случай бывает раз в жизни, нет, один раз на шесть тысяч жизней, они же проверили шесть тысяч эмигрантов. Но бросить Олю? Жить там под чужой фамилией? Все время под страхом, что тебя арестуют? Ведь любая деталь, любая мелочь может выдать тебя с головой. Эти американцы даже не представляют систему проверок в СССР. Военный билет, трудовая книжка, прописка – стоит кому-либо проверить любую строку, послать запрос на прежнюю работу и – все: КГБ в его самом страшном виде, отобьют печенку и легкие, каждый зуб выбьют и в конце концов расстреляют как изменника родины и шпиона. И никакая Америка не поможет, и Россия не посочувствует...

Он налил себе полный бокал бренди и выпил залпом.

2

– Ты думаешь, он согласится? – спросил Роберт Керол.

Мак Кери молчал. Откуда он знает, согласится этот Ставинский или нет. Они сделали все, что могли, и совесть у них чиста. Неделью они висели у него на хвосте, наизусть выучили его маршруты по Портланду, выяснили, что у него тут нет ни друзей, ни близких, что эти русские эмигранты вообще почти и не общаются друг с другом, а уж с американцами тем более, и единственная страсть Ставинского – яхт-клуб по субботам и воскресная рыбалка, а единственная страстишка – Барбара из магазина «7/11», у которой он ночует по понедельникам и средам. Все остальное свободное от работы время он сидит дома, копается со своими машинами да смотрит телевизор. Дочка учится в университете, пропадает там с утра до ночи, завела себе американского бойфренда и укатывает с ним на выходные дни в кемпинг. Одиночество – вот что должно заставить этого Ставинского согласиться. Не деньги, а одиночество. Судя по его биографии, когда-то в России он был энергичным телевизионным журналистом, изъездил всю Россию в командировках, жил в Сибири, в Москве, в Ленинграде, в Средней Азии – для такого деятельного мужика осесть в 46 лет в этом Портланде зубным техником-лаборантом – это все равно что опустить себя заживо в могилу. Он должен согласиться, должен. Но черт его знает... Если он откажется, завалится вся операция, она и так висит на волоске, потому что

никаких других кандидатов у них в запасе нет. Мак Кери сблефовал насчет двух других. То есть еще два кандидата были, но были до Ставинского, и оба отказались вернуться в СССР. Ставинский был последней картой, и, если он не поедет или будет раздумывать еще две-три недели, помощник начальника Генерального штаба Советской Армии по стратегическим разработкам полковник Юрышев останется в Москве и забудет о своем порыве бежать на Запад...

Три недели назад, а точнее 28 августа 1981 года, в Москве корреспондент газеты «Вашингтон геральд» Джакоб Стивенсон фотографировал на Новодевичьем кладбище памятник Никите Хрущеву – готовил репортаж к десятилетней годовщине смерти бывшего советского лидера. Неподалеку, в аллее, возле скромной небольшой могилы в одиночестве сидел одетый в штатское мужчина средних лет и пил коньяк прямо из горлышка бутылки. Джакоб Стивенсон решил, что это обычный московский пьяница-забулдыга, и решил сфотографировать его. Чем плохой снимок – пьяница на московском правительственном кладбище? Но едва Стивенсон направил камеру на этого мужика, как тот резко встал, протестуяще махнул рукой и шагнул к Джеку.

– Ваши документы! – сказал он хрипло. – Вы не имеете права фотографировать меня без моего разрешения.

– А вы не имеете права требовать мои документы. – Теперь Стивенсон разглядел холеного, властного человека с резким взглядом и спортивной фигурой.

– Ваши документы! Или я вызову милицию, и вы вообще останетесь без пленки и без аппарата. – Несмотря на хрипоту, тон, которым говорил этот русский, был непререкаемым, так в России говорят только представители власти, Стивенсон уже усвоил это за три года работы в Москве.

– Я американский журналист, – сказал он. – Вот моя корреспондентская карточка.

Мужчина посмотрел ему в глаза, потом взял его карточку аккредитованного корреспондента, сличил фотографию на карточке с оригиналом и хмыкнул:

– На ловца и зверь бежит... Выпить хотите?

При этом коротким взглядом он оглядел кладбище. Но вокруг было пусто, ни души – в будний день, в девять утра кто заходит на кладбище?

– Спасибо, – замялся Стивенсон. – Я... я не пью из бутылки...

– Жаль, – усмехнулся мужчина. – Ладно, может быть, как-нибудь выпьем в другом месте. Здесь похоронен мой сын, сегодня два месяца со дня его смерти... Вот что. – Он пытливо взглянул Стивенсону в глаза. – Слушайте внимательно. Моя фамилия Юрышев, я помощник начальника Генерального штаба Советской Армии по военно-стратегическим разработкам. Как вы понимаете, я знаю все, что интересует CIA, и даже больше. Так вот, передайте им, в CIA, что я хочу на Запад. На мне такая секретность, что я невыездной и сам выехать из СССР не могу. Поэтому я предлагаю им сделку: если они вывезут меня из СССР, они получат всю информацию, самые секретные данные...

– Вообще я не работаю на CIA, я журналист...

– Бросьте! Вы американец, и вы понимаете, что значат для вашей страны советские военные планы. Как вы передадите им мое предложение – это ваше дело. Только будьте осторожны и не делайте этого в американском посольстве, там все прослушивается КГБ, даже спальня вашего посла. Вы меня поняли?

– Я понял, – сказал Стивенсон. – Но есть проблема. Откуда я знаю, что вы не агент КГБ? Они любят устраивать провокации иностранным журналистам, особенно американским. А если даже вы не агент КГБ и это не провокация, где гарантии, что завтра вы не передумаете бежать на Запад? Ведь сейчас вы это... вы выпили полбутылки.

Юрышев в упор посмотрел Стивенсону в глаза.

– Да, это резонно... – произнес он задумчиво, словно взвешивая что-то в уме. – Хорошо. Чтобы пойти на такое дело, CIA, конечно, должно быть уверено, что я – это я и что я кое-что знаю. – Он прищурил глаза и чуть усмехнулся: – Ладно! Гулять так гулять! Передайте им вот что: в начале октября возле берегов Швеции сядет на мель наша подводная лодка. Будет инсценировано, что это случайность. Но это не будет случайностью, это запланированная операция. А что это за операция, я расскажу, если окажусь на Западе. И многое другое кроме этого.

Он говорил спокойно, взвешенно. Позже, передавая Дэвиду Мак Кери подробности этого разговора, Джакоб Стивенсон отмечал, что первое внешнее впечатление от Юрышева: бутылка коньяка в руке, хриплый голос – ну типичный русский алкаш – это впечатление проходит, как только он начинает говорить. Этот Юрышев обладает недюжинной волей и внутренней силой, для которой полбутылки коньяка – ничто, стакан воды. И еще он подумал тогда на кладбище, что, пожалуй, жизнь подсунула ему совсем неплохую завязку для детективного романа. Какой журналист не мечтает написать детектив-бестселлер, и часто все дело только за оригинальным сюжетом, а тут – пожалуйста. Даже если это окажется только провокацией КГБ, в романе можно все переделать.

– Хорошо, – сказал Стивенсон. – Я сделаю то, что вы просите. Как с вами связаться?

– Нет, со мной нельзя связаться, – сказал Юрышев. – Мне нельзя звонить, и адрес мой засекречен. Да и незачем нам больше встречаться, я вам уже все сказал.

– Но как вас найти, если...

– Если они примут мое предложение? Примут. Когда лодка сядет на мель в Швеции – примут. Поэтому скажите им, что, как только лодка выполнит свою миссию в Швеции и уйдет домой, я возьму отпуск. Уеду на Вятку, в заповедник, охотиться и отдыхать. Вот оттуда меня и нужно вызвать. Простым письмом или телеграммой от имени моей бывшей жены Гали. Какой-нибудь безобидный текст и место встречи. Чтобы в течение этого отпуска я мог исчезнуть. Понятно? Запомните адрес: Кировская область, заповедник «Разбойный бор», леснику Аникину для Юрышева. Повторите.

Стивенсон послушно повторил адрес.

– Пока! – сказал Юрышев. – Передайте им: если я не получу там письмо или телеграмму, сделка отменяется. Все. – И твердой походкой пошел к выходу с кладбища, но тут же и обернулся: – Стоп! Теперь вы можете меня сфотографировать, это им пригодится...

Через пять дней Дэвид Мак Кери был в Стокгольме, сюда же на день прикатил из Москвы Стивенсон. Русские торчали в Афганистане, копили войска на

польской и иранской границах, открыто вооружали Сирию, Ливию и Арафата, их атомные подводные лодки торчали возле натовских баз – черт их знает, что они затевали и планировали, они умеют держать в секрете даже ту информацию, которую выуживают из американской прессы, а не только свою собственную. В этой ситуации такая фигура, как помощник начальника Генштаба по военно-стратегическим разработкам, была просто подарком для CIA, и начальство CIA решило не упускать случая. Шеф русского отдела Даниел Дж. Купер вызвал к себе Дэвида Мак Кери и Роберта Керола и лично поручил им эту операцию. «Держите ее в секрете даже от CIA, – усмехнулся он. – А во всем остальном действуйте от моего имени. Все наши возможности к вашим услугам. Если советская подводная лодка действительно сядет на мель возле Швеции – значит, этот Юрышев не ловушка КГБ, а толковый мужик: выдал секретную информацию практически без риска для себя, а ключ от секрета оставил у себя в кармане. И потому мы не можем откладывать, к концу сентября мы должны быть готовы вытащить этот ключ из России. Нужно срочно встретиться с этим журналистом Стивенсоном, выяснить у него все детали его встречи с Юрышевым, а главное – придумать, как вытащить этого Юрышева. Пароходом от Риги? Одессы? Владивостока? В общем, займитесь этим, и через неделю я жду план операции, несколько вариантов».

Мак Кери и Керол подняли в архиве все материалы о личном составе советского Генерального штаба. Но оказалось, что сведения об этом Юрышеве самые куцые – несколько перебежчиков упоминали его имя в числе молодых советских военных выдвиженцев: в 1968 году он окончил Академию Генерального штаба, затем служил в штабе Дальневосточного военного округа – как раз во время советско-китайского военного конфликта, а после этого был переведен в Москву, в Генштаб. Вот, собственно, и все. Но сам факт, что этот Юрышев в сорок лет продвинулся из провинциального штабиста в Генеральный штаб, говорил о многом. Конечно, было бы замечательно под видом туриста махнуть сразу в Москву, хотя бы издали поглядеть на этого Юрышева, а еще бы лучше встретиться с ним и обговорить подробности побега, но Мак Кери решил не рисковать. По сведениям CIA и сообщениям журналистов, Москва после Олимпиады осталась запруженной милицией и тайными агентами КГБ, слежка за всеми иностранцами практически открытая. Поэтому Мак Кери полетел не в Москву, а в Стокгольм, и здесь Стивенсон подтвердил его правоту. То, что он, Стивенсон, оказался в тот день один на кладбище, – просто случай: за три года работы в Москве Джакобу так надоели эти кагэбэшные сыщики, что последнее время, выходя из дома, он сам подходил к их машине, говорил им свой маршрут на весь день, а затем соблюдал его в точности и тем самым завоевал их расположение – приставленные к нему ребята из КГБ теперь чуть не заранее

составляли рапорта о передвижении Стивенсона по Москве, а сами, вместо того чтобы неотрывно следить за ним, отлучались то домой, то в очередь за мясом или сосисками, а то и просто по бабам. В тот день было то же самое: Стивенсон сообщил им, что хочет подскочить на кладбище снять памятник Никите Хрущеву, потом заедет на открытие выставки молодых художников на Малой Грузинской, затем на Большой Грузинской – закупка продуктов в валютном магазине для иностранцев, в обычном магазине в Москве ничего не купишь, очереди даже за мороженым мясом. «Гэбэшники, – сказал Стивенсон Дэвиду Мак Кери, – попросили Юрышева прикупить для них в валютном магазине блок американских сигарет и пару куриц, проводили до кладбища и укатили по своим делам, а через два часа ждали его на Большой Грузинской. Но, – добавил Стивенсон, – ехать Мак Кери в Москву сейчас действительно нелепо – никогда не знаешь, есть за тобой слежка или нет, да и встретить этого Юрышева практически невозможно – ни его адреса, ни телефона нет в телефонной книге. Разве что караулить его у входа в Генеральный штаб», – усмехнулся Стивенсон, передавая Мак Кери фотографии этого Юрышева.

После беседы с журналистом Мак Кери решил сыграть втемную. Десяток вариантов тайной доставки этого Юрышева на борт иностранного судна в Одессе, Риге или Владивостоке были отодвинуты как запасные – это хлопотно, опасно и ненадежно, особенно если учесть дотошность советской таможни, да и американские суда сейчас почти не ходят в СССР, а доверяться японцам или голландцам... Мак Кери и Керол предложили начальству другой план – простой и красивый: подменить Юрышева другим человеком. За последние десять лет в США приехали больше ста тысяч советских эмигрантов, из них две тысячи сразу после первого месяца жизни в США подали в советское посольство в Вашингтоне прошение разрешить им вернуться в Советский Союз, но им, конечно, отказали. Кроме этих двух тысяч, наверняка есть не меньше и тех, которые не рискнули на такой шаг, зная про опыт предыдущих, так что найти человека, которого пластическая операция сделает двойником Юрышева, Мак Кери и Керол считали делом реальным, а все остальное, как говорится, уже техника и точный расчет. Шеф одобрил эту идею. Мак Кери и Керол засели в архиве ФБР и за неделю выудили трех кандидатов. Еще три дня ушло вхолостую на безрезультатную обработку двух предыдущих кандидатов, поэтому к Ставинскому они уже ринулись не напролом, а изучали его неделю. Но теперь весь гениальный план завис в воздухе и сорвется, если и этот эмигрант, Роман Ставинский, откажется возвратиться в СССР. Придется вернуться к идее вывозить этого Юрышева морем, в ящике, если... Если советская подводная лодка действительно сядет через несколько дней на мель где-то в Швеции.

Было 19 сентября, до назначенного Юрышевым срока оставалось примерно две недели...

В аэропорту Портланда Мак Кери и Керол сдали взятый напрокат синий «шевроле» и очередным рейсом вылетели в Вашингтон.

3

Ставинский позвонил во вторник.

– Я согласен, – сказал он. – Но у меня есть условия.

– Хорошо. Прилетайте – поговорим, – ответил ему Мак Кери. – Когда вы можете вылететь?

– Через два часа есть рейс до Вашингтона.

– О'кей, мы встретим вас в далласском аэропорту. Что вы сказали дочке?

– Что у меня интервью в Вашингтонском госпитале, предлагают работу.

– Очень хорошо. Она сейчас дома?

– Нет. Она в университете.

– Оставьте ей записку, что на обратном пути залетите в Нью-Йорк повидать каких-нибудь друзей.

Можно считать, что с этой минуты операция началась. Какими бы ни были условия этого Ставинского – кроме разве самых немыслимых, они вынуждены будут их принять.

Они с трудом узнали его. Прежний Ставинский – небритый, сутулый, с потухшим лицом и пустыми глазами – исчез. Вместо него из самолета вышел моложавый, прямой, с развернутыми плечами и спокойно-веселыми глазами господин в новеньком сером костюме, с легким дипломатом в руке.

– Привет! – сказал он Мак Кери и Керолу. – Агент 007 прибыл. Как поживаете? Честно говоря, я жрать хочу, как собака. В самолете кормили какой-то курятиной, да и то где-то под Чикаго. Поехали в китайский ресторан, я угощаю.

Мак Кери и Керол усмехнулись. Этот новый Ставинский нравился им куда больше прежнего. Что касается ресторана, то с той минуты, как Ставинский сказал свое «да», он поступал на полное содержание CIA – ему уже был заказан номер в отеле, свидание с хирургом по пластическим операциям и даже... его собственный труп, то есть какой-нибудь неопознанный после дорожной катастрофы труп, который полиция через несколько дней предъявит его дочери.

Они повезли его в центр города на Коннектикут-авеню в китайский ресторан. По дороге, разглядывая из машины Вашингтон, Ставинский восклицал то и дело:

– Вот! Вот это город! Почти Европа! Только черных у вас многовато, а у нас в Портланде их нет...

В ресторане он уверенно, как знаток, заказал себе свинину на ребрышках и креветки с китайскими овощами, бутылку французского вина на всех и еще раз предупредил Мак Кери и Керола, что пусть не стесняются, выбирают и заказывают себе все, что хотят, – сегодня он угощает. После этого захлопнул меню, закурил и сказал:

– О'кей. Теперь к делу. Мои условия такие. Первое: я один не поеду, мне нужна в дорогу жена, не пяльте глаза, я все продумал. Одно дело, когда прилетает одинокий турист, – КГБ это сразустораживает, а другое – когда супружеская пара. Конечно, еще бы лучше лететь с детьми, но это слишком много возни – дети могут ляпнуть что-то не то. Поэтому обойдемся без детей. Но жена – обязательно. Она прилетит со мной, а улетит с ним – как вам эта идея? Пусть она будет вашим агентом, это как вы хотите, лишь бы до этого она никогда не была

в России, чтобы не было на нее дела в КГБ. Но! Она должна знать русский язык, хотя бы немного. Именно она, а не я. Я вообще полечу с завязанным горлом, как простуженный, чтоб нигде не говорить ни слова по-английски, не то мой акцент меня с головой выдаст...

Он мог уже и не вдаваться в подробности – Мак Кери и Керол ухватили идею с самого начала и даже позавидовали – как это им самим не пришло в голову? Конечно, нужно найти ему жену-американку, которая хоть немного говорит по-русски, это упрощает массу проблем на таможне – Ставинский молча пройдет таможню при въезде в СССР, а Юрышев, тоже с «простуженным» горлом, молча пройдет таможню при выезде. Простуженное горло – это он хорошо придумал, молодчина. Интересно, какие у него еще условия? Конечно, подобрать ему попутчицу – дело непростое, да и времени уже в обрез, и все заказанные для него документы надо переделывать, а главное – как за пару недель получить для них визу в советском посольстве, там любой экстренный случай рассматривают очень подозрительно, но... такая игра явно стоит свеч и шефу понравится. Придется послать Керола в Монтерей и в Сан-Антонио, в школы разведки, посмотреть, кто там есть из женщин...

– Так что? – спросил Ставинский. – Что вы думаете?

– Принято, – сказал Мак Кери. – Жена так жена. Идея мне нравится. – И повернулся к Керолу: – А тебе?

– Мне тоже, – сказал Керол.

– Но! – Ставинский предупредительно поднял свиное ребрышко. – Имейте в виду! Лишь бы какая баба не пройдет!

– Ну, у нас не Голливуд, – сказал Керол. – Ангелов не будет.

– Ангелов и не нужно, я согласен на мисс «Юниверсал». Нет, кроме шуток – внешность меня не интересует, нужно только, чтоб это была толковая баба лет тридцати – тридцати пяти, о'кей? Приставать я к ней не буду, в России такое количество баб, что вашей Америке и не снилось. Дайте мне только туда добраться! – Крепкими зубами он так впился в косточку, что она хрустнула.

«Да, у этого Ставинского хорошая хватка», – подумал Мак Кери и почему-то вспомнил эту сонную брюнетку Барбару из портландского магазина «7/11» – сегодня она уже ночует одна.

– Условие второе, – продолжал Ставинский. – В Россию мне нужно два комплекта советских документов на две фамилии. Одни – чистые, то есть со всякими положительными записями продвижения по службе и с партийным билетом, а вторые – о том, что я сидел в лагере где-нибудь на Севере, в Салехарде, сидел за убийство на почве ревности или за какое-нибудь хищение.

– А это вам для чего? – спросил Мак Кери, веселя. Похоже, не они работают в CIA, а он, Ставинский, – так он все продумал.

– Очень просто, – сказал Ставинский, переходя от ребрышек к креветкам с китайскими овощами и поливая эти креветки красным соусом. – В Москве я остаться не смогу, это ясно. Хотя бы на первые пару лет махну куда-нибудь в Сибирь, поглубже, куда нормальный человек в моем возрасте уже не едет. Но там это может показаться странным – чтобы нормальный, немолодой уже человек вдруг в Сибирь подался. А вот если я после лагеря, после отсидки – другое дело. Жenu убил, отсидел, семьи нет, деваться некуда – вот и приехал, ищет работу. А проверять подлинность таких документов никто не станет – ведь нужно быть идиотом, чтоб на самого себя напраслину возводить, что ты, мол, сидел в лагере за убийство.

– Но можно столкнуться с кем-то, кто там действительно сидел. Особенно в Сибири, там полно таких освобожденных. Нужно знать подробности лагерные...

– Подробности я знаю. Слава Богу, тут понаехало на Запад такое количество бывших зеков! И каждый по две-три книги уже выпустил. Да я и сам писал когда-то для журнала «Советская милиция» очерк о «передовом» лагере под Салехардом и даже жил в нем несколько дней. Правда, не в бараке для заключенных, а в отдельной комнате для свиданий, но все равно в зоне. Так что подробности для лагерного трепа есть и даже по фене немножко ботаю.

– Ладно, мы вам дадим словарь русского блатного жаргона, подготовитесь, – сказал Керол.

– И последнее, пожалуй, самое главное, – сказал Ставинский, заправски подбирая палочками с тарелки креветки с рисом и китайскими овощами. – Эта операция обойдется вам, помимо всего, еще в сто тысяч долларов. Я не думаю, что это большие деньги, да они мне и не нужны, но я обязан подумать о дочке и будущих детях. Да, представьте себе, я еще собираюсь сделать пару детей – там, в России. И возможно, они когда-нибудь приедут сюда. Так вот, я не хочу, чтоб они тут начинали, как я, – нищими эмигрантами. Если сейчас положить в банк под проценты эти сто тысяч, через пятнадцать – двадцать лет это будет треть миллиона – с такими деньгами уже можно начинать жить в Америке.

5

– Бюджет операции выглядит довольно забавно, – сказал шеф. – Сто тысяч, жена, фальшивые документы, пластическая операция... А почему он переехал в «Шератон»? Разве нет отеля поскромнее? Все-таки 130 долларов в день?

– Из них сто он платит сам. Он хочет пожить напоследок на широкую ногу, или, как он говорит, по-человечески. Он привез с собой семь тысяч долларов и хочет до отъезда потратить их до цента. Арендовал спортивный «корвет»...

– Пьет?

– Сейчас – нет. В Портланде пил с тоски, порой даже запойно. Но сейчас не пьет.

– Девочки?

– Вчера заказал себе в номер японку и филиппинку, – усмехнулся Мак Кери. – Их такса – сто долларов в час. Утром сказал нам, что это он прощается с Западом – в России, мол, нет ни японок, ни филиппинок.

– Вы их проверили? Он не болтал с ними насчет операции?

– Проверили. Все в порядке.

– Ну что ж... Десять тысяч – частный госпиталь, восемь – туристическая поездка в Россию по классу «люкс»... А почему по классу «люкс»? Разве нельзя скромней?

– Скромней он не хочет, готов из своих доплатить. А самое главное – если брать класс «люкс», советское посольство быстрее оформляет визы, им нужна валюта.

– Слушайте, Мак Кери, как по-вашему, сколько Советы заплатили бы за стратегические планы Пентагона?

Мак Кери пожал плечами:

– Не знаю, я их еще не продавал.

– О'кей, – сказал шеф и расписался на смете, утверждая бюджет операции. – Валяйте! Кого вы прочите ему в жены?

– Керол улетел в Сан-Антонио посмотреть, кто там есть.

– Я думаю, это плохое решение. У русских могут быть фотографии персонала этой школы, вы же знаете, что они тут работают не так, как мы там. Вспомните, что говорил Шевченко – три тысячи советских шпионов только в одном Нью-Йорке. Нет, отзовите Керола, нужно придумать другое решение. Это должна быть женщина, которая еще не переступала порога CIA.

– Но у нас уже нет времени заниматься вербовкой!..

– О'кей, сейчас мы решим эту проблему. – Шеф снял телефонную трубку высокочастотной спецсвязи и сказал:

– Мисс, будьте добры, дайте мне оператора Лос-Анджелеса. Спасибо. Оператор? Пожалуйста, соедините меня с юнионом голливудских статистов. Извините, мисс, я не знаю номер... Номер... 672-7744? Благодарю вас, мисс. Алло! Это юнион статистов? Вас беспокоит продюсер Мак Кери из Вашингтона. Я тут начинаю одну картину про русских. Мне нужна женщина лет тридцати пяти, американка, которая хоть немножко знает русский язык. На какой срок контракт? Хм, минимум на месяц... О'кей, мой ассистент позвонит вам через час. Как ваша фамилия? Мисс Рудольф? Очень приятно, спасибо. – Он положил

трубку. – Вот и все.

– Но... – удивленно протянул Мак Кери.

– Все будет в порядке, – усмехнулся шеф. – Я не знаю актрисы, которая бы отказалась от такой роли. Даже Грета Гарбо и Марлен Дитрих работали на разведку. Позвоните ей через час, и у вас будет как минимум пять невест для этого Ставинского.

6

Вирджинии Парт всю жизнь испортила знаменитая немецкая актриса Роми Шнайдер. Правда, Роми Шнайдер и не подозревала об этом, но какое это имеет значение? Дело в том, что Вирджиния была очень похожа на Роми – и глаза, и лицо, и фигура, и даже походка у нее была, как у Роми. И единственное их различие в том, что Вирджиния на восемь лет моложе. Но это был тот редкий случай, когда Вирджиния готова была бы поменяться возрастом со своей конкуренткой, даже быть еще старше – ну, скажем, на пару лет – тогда она опередила бы г-жу Шнайдер и была бы знаменитой актрисой, а г-же Шнайдер пришлось бы всю жизнь слышать: «О, как вы похожи на Вирджинию Парт!» Короче, именно это сходство отрезало Вирджинии путь к главным ролям. Что она только не делала в молодости, чтобы изменить свою внешность! Меняла прически и цвет волос, одевалась под мальчика, разучивала другую походку, но каждый раз, когда агент протаскивал ее фото через ассистентов режиссеров к продюсеру, он натыкался на одно и то же: «А, Роми Шнайдер-вторая? Нет, если брать Шнайдер, то брать саму Шнайдер!» В результате три агента от нее отказались, потом была театральная школа знаменитой Сони Мур в Нью-Йорке, где Вирджиния изучала систему Станиславского у русского режиссера-эмигранта и заодно, проживя с ним полтора года, выучила русский язык, но не помог ни Станиславский, ни роман с еще одним агентом – и Вирджиния Парт к тридцати четырем годам застряла в статистках. Последнее время она уже перестала бороться с судьбой и изматывать себя диетами. Кого интересует, какая талия у статистки, когда она все равно на втором, третьем, а то и на четвертом плане?

«Идите навстречу главным героям, но старайтесь не выделяться!» «Пейте свой кофе и ведите якобы оживленный разговор с подругой, но не размахивайте руками, не отвлекайте на себя внимание с главных актеров!» «Здесь вы стоите спиной и, когда героиня проходит, идете направо!..» Да, главные герои постоянно проходили мимо нее по первому плану, как и вся яркая жизнь Голливуда, а она уже и привыкла держаться в тени, на втором плане – не только на съемке, но и в жизни.

Она жила в дешевом отеле в Алтадене (час до Голливуда на ее стареньком «пontiаке»), имела в среднем 5–7 съемочных дней в месяц, то есть зарабатывала даже меньше, чем любая секретарша, и на эти деньги еще ухитрялась прикармливать своего бой-френда – молоденького, двадцатитрехлетнего комика, который полгода назад прикатил из Канады штурмовать Голливуд. Не то чтобы она в него влюбилась, скорее она испытывала к нему почти материнские чувства. Ей очень хотелось, чтобы он прорвался, и она таскала его по знакомым агентам, а по вечерам ждала его часами в отеле, пока он болтался где-то по кафе с такими же, как он, юными и голоштанными «завоевателями» Голливуда – актерами, агентами, продюсерами и режиссерами еще несуществующих фильмов.

Она не испытывала ревности, даже когда знала или почти знала, что Марк ей изменяет. Она потухла. Пожалуй, она уже выглядела бы ровесницей своей конкурентки, если бы та не молодилась, не держала диету и не имела бы личного косметолога.

Телефонный звонок Мак Кери застал ее в один из таких вечеров.

– Алло, это госпожа Вирджиния Парт? Вас беспокоит из Вашингтона Дэвид Мак Кери. Как вы посмотрите на месячный контракт с поездкой в Россию?

Как она посмотрит на месячный контракт! У Вирджинии защемило сердце и пересохло в горле. Дэвид Мак Кери – она никогда не слышала о таком продюсере, но на том побережье масса независимых продюсеров. Съемки в России! Неужели это – знаменитый новый бестселлер «Горький-парк»?

– Это... это «Горький-парк»? – спросила она хрипло.

– Нет, это другой детектив, – сказал Мак Кери, и она по голосу поняла, что он там улыбнулся. – Ну так как?

– А когда съемки?

– Если вы согласны, мы бы хотели, чтоб завтра вы были в Вашингтоне.

Подмена! Конечно, простая подмена – у них заболела или отказалась от роли актриса, а съемки уже идут в Вашингтоне, и им нужно срочно менять исполнительницу какой-то роли. Самолюбие чуть кольнуло Вирджинию, но она тут же усмехнулась – какое, к черту, самолюбие! Может быть, это ее последний шанс! Что же она тянет? Надо бы спросить о гонораре, поторговаться, но...

– Я согласна, – сказала она.

– Замечательно! Вы можете вылететь сегодня ночью? Мы бы сейчас заказали вам билет и встретили вас утром.

Черт возьми, ее лучшее платье в химчистке! Да и Марка нет дома, и неизвестно, когда он появится. Но если завтра уже съемки...

– А что? Завтра уже съемки?

– Почти. Ну, как? Можете вылететь?

– Хорошо... Я... я вылечу... А-а... как называется фильм?

– Фильм? Кхм... – Мак Кери прокашлялся. – А, наш фильм! Он называется «Чужое лицо». Чао! Я перезвоню вам через пятнадцать минут и скажу, каким рейсом вы летите. Двух часов на сборы вам хватит?

Ставинский лежал в отдельной палате. Все лицо закрывала марлевая повязка. Это случилось – они изменили ему разрез глаз, выравнивали и чуть-чуть закурносили нос и слегка прижали его оттопыренные уши. Врач сказал, что через три дня снимет повязку с глаз, а через неделю и с носа, и Ставинский станет просто красавцем. Поначалу речь шла еще и о подтяжке кожи на лице, чтоб разгладить Ставинскому эмигрантские морщины (у Юрышева на фотографиях было холеное сытое лицо и волосы по армейской привычке стрижены коротко, «бобриком»), но врач сказал, что можно обойтись и без подтяжки кожи – все равно Ставинскому, чтоб догнать Юрышева, нужно набрать вес, поправиться фунтов на десять, а усиленное питание, свежий воздух в Виргинском госпитале, прогулки – все это разгладит его морщины и без подтяжки. Но пока никаких прогулок не было – Ставинскому только вчера сделали операцию, все лицо залепляла марлевая повязка, и он лежал как бы в полном мраке, с закрытыми глазами и чувствовал, как чешутся разрезы глаз и ноет носовой хрящ. Чешутся – значит, заживают, говорят врачи, и Ставинский – сам наполовину зубной врач – знал это прекрасно, но это не успокаивало. И главное – отвлечься не на что, даже телевизор не посмотришь.

Он протянул руку к тумбочке. Рука сначала наткнулась на телефон, но он провел рукой ниже и взял плоскую коробочку дистанционного управления телевизором – хоть новости послушать. Через минуту, пробежав по всем каналам, он понял, что новостей не дождется – в двенадцать дня Америка играет по телевизору в свои дурацкие игры – отгадывает цены на мебель и зубную пасту или развлекается детскими мультипликациями и фильмами ужасов. Может быть, это и лучше, чем слушать «вести с колхозных полей», которые в это время передают в Москве, но смотреть мультипликацию с закрытыми глазами нелепо. Ставинский выключил телевизор и на ощупь снял телефонную трубку.

– Добрый день, чем могу быть полезна? – немедленно отозвалась телефонистка местного коммутатора.

– Доктора Лоренца, пожалуйста, – сказал Ставинский, держа трубку в миллиметрах от перебинтованного уха.

– Одну секунду...

Ждать пришлось дольше, чем секунду, но все же спустя секунд двадцать форсированно-бодрый голос доктора Лоренца, хирурга, который делал Ставинскому операцию, сказал:

– Хай, господин Ставинский! Как дела? Как самочувствие?

– Все в порядке, – сказал Ставинский. – Но я тут умираю от скуки.

– Прислать вам сестру, чтоб она почитала вам какой-нибудь роман? Или хотите легкое снотворное?

– У меня другая идея.

– Какая?

– Я хочу вызвать девочку... Ну, вы понимаете...

– О, я понимаю, господин Ставинский. Но вам еще нельзя делать резких движений и, кроме того, – это не входит в счет вашего лечения.

– А если я оплачу сам, наличными, и не буду делать резких движений? Если я вызову какую-нибудь японку, все движения она сделает сама, как вы понимаете.

Лоренц рассмеялся:

– О, я вижу, вы не любите терять время зря...

– У меня его не так много осталось. Так вы разрешаете?

– Это удовольствие обойдется вам долларов в триста, дорогой: такси из Вашингтона и обратно плюс услуги. Ладно, я помогу вам сэкономить, если вы не будете настаивать на японке. У нас частный госпиталь, и порой бывают очень нетерпеливые пациенты.

– А что у вас есть?

– Я вам пришлю медсестру Уку Таи, она кореянка, специалист по физиотерапии. Стоимость сервиса сто долларов за сеанс. И все будет сделано в тех пределах, которые сейчас для вас допустимы. Кроме того, вы можете пользоваться этим сервисом в кредит и расплатиться чеком, когда выйдете из больницы. Точное

название сервиса указано не будет, так что в будущем эти расходы вы сможете списать с налога.

«Чертова Америка! – подумал Ставинский. – Вы можете купить здесь что угодно, и они еще сами будут вам рассказывать, как это оформить подешевле, – лишь бы купили именно у них, а не у кого-то другого».

– Ладно, присылайте вашу корейнку. А сколько ей лет?

– Сэр, у корейнок до сорока лет нет возраста. Ей нет сорока, это точно, а все остальное для вас сейчас не имеет значения. Не так ли?

– О'кей, спасибо, доктор.

– Бай! Увижу вас завтра в перевязочной.

Ставинский положил трубку и подумал, что корейнок у него еще не было. Сто долларов – это, конечно, немалые деньги. Когда он приехал в Америку, он пошел работать на фабрику за 2.25 в час, да и сейчас сто долларов – это два его рабочих дня, но черт с ними! Там, в России, все эти удовольствия будут даром, а пока... Главное, чтобы доктор Лоренц доложил этим ребятам из CIA о том, что он, Ставинский, и в больнице гуляет на всю катушку. А уж он доложит, безусловно. И очень хорошо. Девочки, еще раз девочки – японки, корейнки, мулатки – это самое убедительное, раз человек решил проститься с западным миром навсегда. Но зря они думают, что он, как послушная овца, будет ходить там всю оставшуюся жизнь под ножом КГБ. Дудки! Конечно, напрасно он брякнул тогда, в Портланде, что в Москве сразу же побежит в КГБ. Но с другой стороны – и хорошо, что брякнул. Теперь он знает, что сразу бежать в КГБ не нужно, это опасно для Оли. Нет, CIA должно знать о каждом его шаге в Москве и видеть, что он там ведет себя безукоризненно. И тогда – никаких претензий к Оле не будет. Для того он и выдумал эту историю с женой – чтобы иметь при себе надежного свидетеля из CIA. И денег попросил, эти сто тысяч, – чтобы поверили, что он не выдаст операцию, ведь тогда пропадут его сто тысяч. Ну а если этот его двойник сам провалится при выезде из СССР – тут уж не его, Ставинского, будет вина. Мало ли на какой мелочи этого двойника может поймать на таможне КГБ! Зато это покроет тот «урон», который он нанес Советскому Союзу своими дурацкими интервью на радиостанции «Свобода», покроем с лихвой, и еще останется так называемая «заслуга перед Родиной по

разоблачению агентов империализма». И тогда можно будет спокойно жить в России, и не где-нибудь в Сибири, а именно в Москве. И у CIA не будет к нему претензий – разве он виноват, что этот его двойник сам на какой-то ерунде провалился?

...Почти неслышно открылась дверь, и негромкий певучий голосок медсестры Уку Таи сказал:

– Добрый день, сэр. Как вы себя чувствуете?

8

Шел проливной дождь – один из тех дождей, которые в конце знойного лета налетают на Вашингтон и приносят короткую передышку от жары. Мак Кери и вызванный им из Сан-Антонио Керол встречали в аэропорту Вирджинию Парт.

– Госпожа Вирджиния Парт, прибывшая рейсом из Лос-Анджелеса, вас просят подойти к информационному бюро, – объявило радио.

Они стояли возле стойки с надписью «Информация» и ждали: кого же им выбросит поток пассажиров. Хорошо бы вот эту смуглую брюнетку с несколько отвислым задом и большим, круглым лицом, но нет – она не обернулась на объявление, прошла мимо. Непонятно почему, может быть, из чисто мужской ревности, они оба не хотели, чтобы этому Ставинскому досталась действительно голливудская красotka. Во-первых, это может осложнить операцию, голливудские красотки отличаются вздорным нравом и могут выкинуть любой фортель, а во-вторых... Черт его знает, что во-вторых...

– Извините, вы господин Мак Кери? – Спокойная шатенка в очках, чуть полноватая для голливудской актрисы, в светлом плаще и с дорожным, на колесиках, чемоданом в руке, стояла перед ними. Кого-то она им напоминала, но они еще не могли вспомнить кого. Какую-то известную актрису, что ли?

– Мак Кери – это я. А вы?..

– Вирджиния Парт.

– Приятно познакомиться. Это мой ассистент мистер Керол. – Мак Кери взял у нее из руки стальной держатель ее чемодана. – Прошу в машину.

Они стояли под козырьком аэровокзала, ждали, когда Керол подгонит машину. Мак Кери искоса поглядывал на Вирджинию и оценивал ее. Похоже, это то, что надо. Спокойная, совершенно не голливудского типа женщина с мягкими карими глазами и какой-то разом успокаивающей домашностью в движениях. Но тем трудней было поверить, что она согласится на эту операцию. Слава Богу, не ему ее обрабатывать – шеф взял эту задачу на себя и теперь ждет их в отеле «Кэпитол-Хилтон». CIA предпочитает не приглашать людей в свои офисы, а снимать номера в отелях и там проводить встречи с людьми, которые их интересуют. Делается это не столько для конспирации от восточных разведок, сколько для того, чтобы не компрометировать сотрудничающих с ними людей. Если пригласить среднего, нормального американца даже на простую беседу в CIA или ФБР, он возмутится и откажется прийти: «связь» с CIA и ФБР равноценна какому-то постыдному акту, словно сотрудничество с собственным правительством, которое ты же и выбрал путем демократического голосования, в глазах общественного мнения является неприличным. Но приди к этому американцу в дом тихо, так, чтоб никто не видел и не знал, – он чаще всего выложит тебе о своих знакомых и незнакомых все, что знает, а то и больше...

– Сейчас мы поедem в отель, я познакомлю вас с нашим боссом, – сказал Мак Кери, старательно, как и в первом разговоре, избегая всяких киношных терминов вроде «продюсер», «режиссер» и т. п. И чтобы вообще отвлечься от киношной темы, спросил, уже сев в машину: – Вы говорите по-русски?

– Да, немножко, – ответила она по-русски с тем милым акцентом, который округляет и расширяет русское «о» до «оо» и несуществующее в английском «ж» превращает в «ш».

– Где вы учили русский язык?

– В Нью-Йорке, в театральной студии, когда я изучала систему Станиславского. У меня там был русский учитель и... он был моим бой-френдом, – сказала она просто.

Нужно проверить этого бой-френда, мысленно отметил про себя Мак Кери, переглянулся с Керолом, и тот понял, что эту работу придется сделать ему. Хотя вероятность связи ее бывшего бой-френда с КГБ почти нулевая, но застраховаться нужно. Поэтому словно бы между прочим и с воодушевлением бывшего ньюйоркца Керол спросил:

– О, так вы жили в Нью-Йорке? Когда?

– Это было восемь лет назад. Давно уже.

– А какая это была студия? Джульярд?

– Нет, это школа Сони Мур, – сказала она несколько удивленно: кто в кино не знает, что систему Станиславского преподают только в этой знаменитой школе. Они подъехали к отелю и проводили ее до номера.

– Вам хватит часа, чтобы отдохнуть с дороги? – спросил у нее Мак Кери и взглянул на часы. – Даже немножко больше: в двенадцать тридцать у вас ленч с боссом. Успеете?

– Конечно. Где я должна быть?

– Внизу, в ресторане, мы вас встретим.

Вирджинии очень хотелось расспросить их о фильме и о своей роли, узнать, кто еще снимается, какие звезды, но они не заговаривали на эту тему, а самой начинать ей было неудобно. Ее еще никогда не приглашали на главную роль, и она не знала, как вести себя в этом случае. Право, скорей всего лучше подождать, продюсер наверняка ей все сам расскажет. Она распаковала чемодан и пошла принять душ – нужно было привести себя в лучший вид для этой решительной встречи с продюсером. Все-таки жаль, что она не спросила, какая у нее роль, – как бы не промахнуться с платьем или прической. Впрочем, там, на аэродроме она видела, как смотрел на нее этот Мак Кери. Было в его глазах какое-то сомнение, неуверенность. Неужели они ее забракуют? Но ведь они вызвали ее из Голливуда и уже предложили контракт! Нужно держаться, держаться ровно и спокойно, не переигрывать и не нервничать, а быть самой собой. Вот и все. В конце концов она уже давно и не мечтала о главной роли, и если она ее не получит, то ничего не потеряет... Стараясь быть спокойной, не

нервничать и не переживать, Вирджиния легла в постель, чтоб вздремнуть после дороги и освежить цвет лица. Уже в постели она вспомнила о Марке. Надо бы ему позвонить, но не сейчас, ладно...

Шеф восточного отдела CIA пятидесятитрехлетний Даниел Дж. Купер никогда в жизни не был в России, хотя, пожалуй, любил эту страну не меньше, чем родную Америку. Он знал о России все, а точнее, почти все лучшее. Прекрасно говорил по-русски и любил удивлять этим своих подчиненных и тех русских эмигрантов, с которыми ему доводилось беседовать.

Читал и знал на память многое из русской классики и уже не только из любви к русской литературе, но и по долгу службы несколько раз перечел всего Солженицына, Максимова и других диссидентских писателей и почти весь русский «самиздат». Кровоточащая Россия открывалась перед ним на этих страницах. Огромная страна корежилась под пятой КГБ и верхушки КПСС, которые бесцеремонно подавляли всякое непослушание внутри страны и нагло завоевывали доверчиво-глупые души западных народов. И хотя кому же, как не ему, шефу русского отдела CIA, знать тяжелейшее кризисное положение в России и сотни, а то и тысячи подробностей – все же какое-то внутреннее сопротивление мешало ему принять все это за правду. Ведь и сегодня туристы даже в Бухенвальде или Освенциме, глядя на горы человеческих костей, на газовые топки и тюки срезанных с людей волос, восклицают: «Неужели это все было в самом деле?!» Они знают, что это было, они видят, что было, и все-таки...

Именно это внутреннее неверие в реальность монстра, с которым он ведет тайную войну, внутренняя надежда, что и монстр должен вести себя по человеческим законам, мешали работе его предшественника Барри Христора и мешают ему самому, хотя он же и пытается искоренить это не только в себе, но и в своих подчиненных. «Как нельзя на медведя выходить в лайковых перчатках, так и в нашей работе с ними нельзя деликатничать», – говорил он себе и своим сотрудникам и старался учиться у своих противников, у этого КГБ, наглости и жесткой хватке.

Последние годы советская разведка ведет себя в Америке уже совершенно откровенно. Мало того, что они через третьи страны закупают в США самое современное электронное оборудование, мало того, что они через подставные фирмы заказывают американским фирмам разработку новых компьютерных схем для своей военной промышленности, так теперь их агенты, пользуясь нелепым законом о том, что агентам CIA и ФБР нельзя появляться на территории конгресса, сами открыто разгуливают по конгрессу, и не далее как десять дней назад агент советской разведки, помощник советского военно-воздушного атташе Юрий Леонов запросто вошел в кабинет помощника одного конгрессмена и попросил дать ему копию секретного плана размещения стратегических ракет «МХ». История эта обошла газеты, но уже через несколько дней о ней забыли, и все продолжается по-старому.

Советские агенты шпионят в американских компаниях, производящих оптические приборы, электронную технику, лазеры и т. д., и путем подкупа, шантажа и прямых краж добывают образцы изделий, которые запрещено поставлять в СССР.

Что ни день поступают все новые и новые донесения на этот счет. То калифорнийская компания, несмотря на запрет самого президента, продала Советскому Союзу зеркала для лазерных установок, которые используются в советской военной промышленности, то двое советских агентов проникли в крупную радиокompанию и выкрали документацию по производству секретных радиоустройств, а то самым «законным» образом СССР закупает в Америке сейсмографическое оборудование для разведки нефти, но с помощью этого оборудования ищет в море не нефть, а... американские подводные лодки.

И можно смело сказать, что многими своими успехами в военной промышленности СССР обязан Соединенным Штатам – их агенты чувствуют себя в демократической Америке как рыба в воде: покупают компьютеры, секретное оборудование, технические проекты, целые технические фирмы и даже... банки! Покупку одного такого банка агентами КГБ недавно удалось остановить в самый последний момент, но сколько неизвестных, неразоблаченных фирм, конструкторских бюро, электронных компаний, банков и прочих организаций продолжает работать в Америке на СССР?

Как раз недавно, несмотря на протесты США, Швеция продала Советскому Союзу установку для слежения за самолетами, а теперь – нате вам – советская подводная лодка сядет на мель у шведских берегов! Что ж, это будет шведам

хорошим уроком. Но что за операцию затевают русские? Просто так они не пойдут на международный скандал. Значит, как говорят русские, овчинка выделки стоит! И тем важнее, чтобы похищение полковника Юрышева прошло успешно. Успешно и красиво. Предстоит простая и почти гениальная партия, если сыграть ее правильно, – а гениальное всегда просто! И Даниел Дж. Купер не мог отказать себе в удовольствии принять в этой партии хоть короткое, но непосредственное участие. Тем более в таком тонком и приятном деле, как вербовка голливудской актрисы. Ведь это была его идея, и он хотел сам продвинуть свою пешку в ферзи в этой партии.

Поэтому в 12.30 он уже сидел за угловым столиком в полутемном и уютном ресторане отеля «Кэпитол-Хилтон» и готовился к щепетильному разговору. В вестибюле у лифта Вирджинию Парт ждал Мак Кери. Он встретил ее ровно в 12.29 – она видела, что глаза его одобрительно осмотрели ее темное платье с неглубоким вырезом, ее аккуратно зачесанные и скромно собранные сзади в узел волосы, – и проводил ее через зал ресторана к столику шефа.

– Разрешите представить: актриса Вирджиния Парт – наш патрон мистер Даниел Купер.

Купер встал, чуть поклонился, пожал руку.

– Приятно познакомиться, присаживайтесь.

При словах «актриса Вирджиния Парт» у Вирджинии приятно заныло сердце – уже давно, лет десять, ее никто не называл этим простым и великим для нее титулом. «Все возвращается! Все свершается», – подумала она, присаживаясь к столу.

Конечно, тут же подскочил официант по напиткам, склонился вопросительно:

– Что-нибудь на аперитив? Вино? Скотч?

Купер посмотрел на Вирджинию.

– Апельсиновый сок, – сказала она.

Купер улыбнулся, заказал:

– Сок для леди и два виски.

Потом разобрались с меню. Вирджиния заказала филе-миньон, Купер и Мак Кери – по бифштексу, и, захлопывая меню и отдавая его официанту, Купер сказал:

– О'кей! Как говорят в России, перейдем к водным процедурам! Госпожа Парт, вам предстоит серьезное испытание. Детектив «Чужое лицо» – это не фильм, это жизнь. И я – никакой не продюсер, а начальник русского отдела CIA. – При этом он положил на стол свое удостоверение и открыл его так, чтобы Вирджинии были видны его фотография и фамилия на документе. – Нам нужна ваша помощь, помощь именно такой актрисы, как вы. Я думаю, вы не хуже меня знаете, что сейчас творится в мире – русские обошли нас и в силе оружия, и в дипломатии. Их ракеты висят над Европой, а когда Хейг прилетает в Европу, европейцы кричат, что это мы, а не русские, угрожаем их мирной жизни. Я не хочу читать вам лекцию, я думаю, вы знаете не хуже меня: великая американская демократия – это наша сила и наша слабость. Почти любую секретную информацию русские получают просто из наших газет, а сами держат в секрете даже схемы простейших ксерокс-машин. И я не стану говорить вам об американском патриотизме. Я просто хочу просить вас от имени нашей страны сыграть главную роль в одной простой и чрезвычайно важной операции – в политическом детективе. Но не в кино, а в жизни. Подождите, я знаю, что вы летели сюда не за этим, но этот полет и некоторое разочарование – это будет оплачено, даже если вы откажетесь. Кто знает, может быть, потом в Голливуде снимут об этой операции фильм, и тогда вы сыграете себя же. У вас будет авторское право на эту роль. Ведь такой сенсации еще не было в кино – чтобы актриса сначала сыграла свою роль в жизни, а потом – в кино. Но вот у вас есть такая возможность. – Он внимательно смотрел ей в лицо, ждал.

– Но я не знаю... я не знаю... – растерянно сказала Вирджиния. – Разве я подхожу? Что я должна делать? Нет, что вы! Я не... я даже и не актриса...

– Неправда. Вы актриса, просто еще неизвестная. Вы всю жизнь готовились стать известной актрисой, но пока... пока этого не случилось. А теперь может случиться. Во всяком случае, раньше для вас не находилось главной роли, а теперь – вот она. Правда, еще не в кино, а в жизни – ну и что?

Принесли филе-миньон и бифштексы. И пока официант накрывал стол, Купер молчал, а Вирджиния думала. То есть не думала, нет – то, что сейчас происходило в ее голове, трудно назвать работой мысли, скорее она растерянно собирала в одно целое те слова, которые говорил ей Купер, и проверяла, примеряла их на себя, как незнакомую, из странных лоскутов сшитую одежду. И эта одежда, поначалу нелепая, как-то прилаживалась к ней. И, сама удивляясь, она спросила:

– А что? Что я должна делать?

– Я скажу вам честно, хотя, как вы понимаете, это – государственный секрет. Из России должен выехать один очень нужный нам человек. Точнее, его нужно оттуда вывезти. Если это удастся – мир узнает все советские военные планы, самые секретные. И мы лет на десять оттянем их рывок на Запад. За это время при новом курсе нашего правительства мы догоним их и по силе вооружения. Даже за пять лет догоним. Но нам нужны эти пять лет, нам нужен этот человек.

– И вы хотите, чтобы я?.. Чтобы я вывезла этого человека? – поразились Вирджиния, вспомнив, что Мак Кери упоминал в телефонном разговоре о поездке в Россию.

– Не вы одна. Поскольку вы еще не согласились, я не могу рассказывать вам подробности операции. Но представьте это как бы отвлеченно, ну, как в кино. В Москву летит простая американская супружеская пара. Обыкновенные туристы. Богатые. Живут в лучших отелях, ходят по московским музеям, театрам – все как положено. Никаких шпионских дел, абсолютно. И только в самый последний день перед вылетом где-нибудь в музее, в театре муж на минуту отходит от жены, ну, скажем, извините, в туалет. И через минуту возвращается к ней, и они опять смотрят спектакль, или балет, или картины Эрмитажа. И только жена знает, что этот человек – уже не тот муж, с которым она прилетела в Россию, а его двойник – абсолютно похожий на ее мужа человек, который нам нужен и с которым они в тот же день, ну, или завтра, улетают из СССР по документам ее мужа. Вот и все, вот и вся история. Потом, в Голливуде, это смогут расцветить любыми приключениями и осложнениями, но в нашем деле – чем меньше приключений и осложнений, тем лучше. Я за то, чтоб их вообще не было, поэтому операция разработана до деталей и должна быть очень простой. Вы летите туда с одним мужем, возвращаетесь с его точной копией. А если что-то, не дай Бог, происходит, то с вас, как говорят русские, и взятки гладки. Вы актриса, разыграете, что вы и не заметили, как вам подменили мужа, ведь они

двойники!

– Подождите, но у меня нет никакого мужа!

– Мужа мы вам дадим, – улыбнулся Купер. – Даже двух: одного туда, в Россию, а другого – оттуда. Оба вас уже ждут. Милая Вирджиния, я понимаю, что это предложение звучит дико. Но скажите честно: в кино вы бы отказались от такой роли?

Она молчала.

– Конечно, нет, – продолжил он. – Ну а чем жизнь отличается от кино? Та же система Станиславского: нужно уметь жить в предлагаемых обстоятельствах. Вот и все. И тут предлагаемые обстоятельства очень простые: туристическая поездка в Москву двух молодоженов. Такое свадебное путешествие. Даже больше! – Новая идея пришла Куперу в голову. – Это может быть такой свадебный круиз, например Рим – Париж – Москва. И оттуда домой, в Америку. – Он посмотрел на Мак Кери, и тот понял его идею – при таком круизе у советского посольства будет меньше подозрений при выдаче виз. Богатая супружеская пара совершает типично американское свадебное путешествие. И тут же повернулся к Вирджинии: – Ну, как?

– Я не знаю... Я должна подумать, – сказала Вирджиния и не удержалась, спросила: – А этот человек будет моим мужем? – Она взглянула на Мак Кери.

– Нет, – улыбнулся Мак Кери. – Я бы не возражал быть вашим мужем, конечно, но, к сожалению, это не я.

– Вас, наверно, смущает один щепетильный момент, – сказал Купер. – Но тут вы можете быть спокойны – речь идет о том, чтобы играть роль мужа и жены, а не быть ими на самом деле. Этого никто не требует, честное слово. Давайте договоримся так: вы подумаете до завтра, а завтра утром, в девять, мы вам позвоним. Если вы откажетесь, в десять есть самолет на Лос-Анджелес, вы спокойно улетите домой, а мы... будем искать вам замену. Что вам заказать на десерт?

Какое время суток диктует нам радикальные решения? Конечно же, ночь.

Днем Вирджиния бродила по солнечно-жаркому Вашингтону, уже просохшему после дождя, зашла в Национальный музей искусств и долго гуляла по выставке Родена, почти забыв о том выборе, который ей нужно сделать. А если еще точнее – она уговаривала себя забыть на время об этой проблеме. Потому что она даже приблизительно не знала, как, с какой стороны решать ей эту задачу. В музее она примкнула к какой-то экскурсии и внимательно слушала торопливый рассказ молоденького экзальтированного экскурсовода – тот рассказывал, что, когда Роден получил заказ на памятник Бальзаку, он первым делом отыскал старика-портного, который когда-то шил Бальзаку всю одежду. В старых конторских книгах этого портного сохранились все бальзаковские мерки, и Роден заказал старику те же костюмы, которые тот шил для Бальзака.

Потом Роден нашел в Париже мясника, которому эти костюмы пришлось точно впору, и так получил бальзаковского двойника. И стал лепить бальзаковскую фигуру – сначала голого. На выставке было несколько фигур голого Бальзака – пузатого, с мощным торсом и какой-то величественной надменностью даже в этом огромном, действительно «бальзаковском» животе. Но одна скульптура поражала зрителей дерзостью и точностью выраженной в ней почти хулиганской идеи – мощная голая бальзаковская фигура стояла на постаменте, широко расставив ноги, выпятив пузо, надменно отведя чуть назад крутые плечи и двумя руками опираясь на свой торчащий из-под пуза пенис. Так на всех картинах средневековых художников рыцари держат руки на эфесе своей шпаги, как на главном мужском оружии.

У Родена Бальзак не просто держится за пенис, нет – мощь бальзаковского таланта опирается на это место, как на корень знания всех человеческих комедий. И даже без головы, только торсом и этим уверенным жестом скульптура несет свою торжествующую насмешку над так называемой сложностью и утонченностью бытия. А затем, вылепив крупную орлиную голову Бальзака и приладив ее к голому торсу, Роден укрыл бальзаковскую наготу длинным, с величественными складками плащом, но сохранил под плащом ту же позу...

Вирджиния долго бродила по выставке, восхищаясь мощью роденовского таланта, десятками других знаменитых скульптур, все вспоминая замечательную, ироническую насмешку мастера над сутью нашей жизни. Ей и невдомек было, что с той минуты, как она простилась с Купером и вышла из отеля побродить по Вашингтону, за ней по пятам идут два агента CIA и что не только для себя, но и для них она устроила эту экскурсию по роденовской выставке.

Вернувшись вечером в отель, она еще не приняла никакого решения – точнее, ей казалось, что не приняла. Она поужинала в том же ресторане, приняла душ, посмотрела по телевизору новости и какой-то фильм, все еще откладывая минуту, когда надо сказать себе: «Ну, как же быть? Да или нет?», позвонила домой, Марку. Она загадала – если Марк дома в этот вечер, если он ждет ее, она... да, она откажется от приключения. Но Марка, конечно, дома не было. Она взглянула на часы – там, в Лос-Анджелесе, всего-навсего семь вечера, он мог задержаться где-то. Но уже и не веря в то, что он будет дома позже, она все же отложила решение еще на час, а потом и еще, но, когда в час ночи по вашингтонскому времени, то есть в десять по времени того побережья, оператор сказал ей «телефон не отвечает», она знала, что утром скажет Куперу и Мак Кери свое «да». Да – потому что это «да» открывает ей какую-то другую жизнь, а не плесень ее прежнего существования. Да – потому что вот и она кому-то нужна, каким-то людям, которые будут от нее зависеть. А не то что этот Марк, который просто пользуется ее постелью и ее холодильником.

В восемь сорок Мак Кери получил рапорт о вчерашнем дне и сегодняшней ночи госпожи Вирджинии Парт. Она не заходила в советское посольство, не встречалась ни с одним посторонним человеком, а уж тем более русским, и только трижды за ночь пробовала дозвониться к себе домой. В 9.00 Мак Кери уже был в отеле «Кэпитол-Хилтон» и снизу по внутреннему телефону набрал ее номер:

– Доброе утро, госпожа Парт. Это Мак Кери. Как вам спалось?

Ставинскому сняли повязку, и доктор Лоренц сказал:

– Открывайте глаза. Смелей! Теперь вы увидите мир новыми глазами!

Ставинский разжал веки, и они открылись без боли. Ничего особенного в мире не произошло. Был обычный солнечный день – 26 сентября. За окном его палаты красногрудая птица села на ветку клена и с любопытством заглядывала через окно в палату, наклоня голову влево. Ставинский передразнил ее, тоже наклонил голову и посмотрел на птицу, потом усмехнулся и попросил зеркало.

– Рано еще, – сказал ему Лоренц. – У вас нормальные глаза, не беспокойтесь. Через три дня снимем повязку с носа и тогда любуйтесь собой сколько угодно. А сейчас приготовьтесь – к вам гости.

– Кто? – удивился Ставинский.

– Ваша жена.

– Жена-а?! Какая жена?

– Ну, это вам лучше знать – какая из ваших жен, – улыбнулся Лоренц и вместе с медсестрой вышел из палаты.

Ставинский бегло оглядел палату – чисто ли убрано? Вот те раз, эти деятели уже нашли ему жену, ну и темпы! Сейчас подсунут какую-нибудь кадровую шпионку, у которой на морде написано, что она разведчица. И завалят все дело.

Открылась дверь, и в палату вошел Мак Кери, а с ним... Ставинский зажмурился. Он еще не понял, что с ним произошло, но какой-то внутренний страх, ужас, смятение памяти вытолкнули из глубин его подсознания совсем другой образ и другое лицо. Хотя нет – именно это лицо и именно этот образ, ведь он потому и зажмурился.

Вместе с Мак Кери в палату вошла его мать, его тридцатилетняя мама, – он не мог ошибиться. То же спокойно-округлое лицо с глубокими карими глазами, те же губы, нос, волосы, нет – эти приметы ничего не передают, конечно. Но это была именно та, самая светлая и самая обиженная им женщина в мире, которую он уже давно не вспоминал, которую он похоронил семнадцать лет назад на саратовском кладбище, которую...

– Привет! – сказал Мак Кери, заставляя Ставинского вынырнуть из детства. – Как самочувствие?

Усилием воли Ставинский заставил себя открыть глаза. Да, она похожа на его мать, хотя со второго взгляда он уже видел и различия: у нее несколько иной оттенок кожи, нет ямочек на щеках, и волосы чуть темней, – но все-таки она похожа на его маму и даже – на бабушку.

– Я хочу вас познакомить. Господин Роберт Вильямс – госпожа Вирджиния Парт. То есть с сегодняшнего дня она уже не Парт, а тоже Вильямс. Вот документы о регистрации вашего брака. Присаживайтесь, Вирджиния...

Вирджиния смотрела на этого лежащего человека, на белую повязку, пересекающую его лицо, и не могла понять, откуда – из его ли темных, выразительных глаз – хлынуло на нее странное беспокойство. Они не сказали еще друг другу ни слова – ни по-английски, ни по-русски, она практически еще не видит его лица, и все-таки что-то тронуло ее душу. Жалость, что ли?

Она села. Она не знала, что говорить, и он молчал, и только Мак Кери как мог скрашивал неловкость этой паузы.

– О'кей, господа! Пока вы будете привыкать и приглядываться друг к другу, я доложу вам, как идут дела. За эти дни, мистер, мы нашли вам не только жену, мы нашли вам новое имя и новую биографию. Это была непростая работа, но зато для советских у вас теперь настоящая американская фамилия и американская биография. Вы теперь доктор Роберт Вильямс. Подлинный Роберт Вильямс – зубной врач – имеет свой кабинет в Потомаке, штат Мэриленд. Это близко к Вашингтону, но я не думаю, что советские, оформляя ваши документы, приедут в Потомак проверять доктора Вильямса. Но позвонить они ему могут, и он знает, что им отвечать. Во всяком случае, другого одинокого зубного врача у нас под рукой нет. В день вашего отъезда он тоже уедет в отпуск, во Флориду, так что его телефон будет отвечать, что доктор в отъезде. Завтра Вирджиния поедет в советское посольство и как новобрачная попросит ускорить оформление виз. Ведь вы только что поженились и спешите в свадебное путешествие. Так что, господин Вильямс, вот вам биография этого доктора, тут двенадцать страниц текста по-русски и по-английски – теперь это ваша биография, и вы должны выучить ее наизусть до мельчайших подробностей. Вирджиния ее уже знает, но ей-то подробности ни к чему – ведь вы только поженились и знаете друг друга недавно. А о себе она вам сама расскажет, ей

выдумывать нечего, она играет сама себя. Да, я забыл вам сказать, сэр, что мы точно выполнили вашу просьбу – ваша жена из Голливуда и говорит по-русски. Вы довольны?

Половину того, что сказал Мак Кери, Ставинский пропустил мимо ушей. Роберт Вильямс так Роберт Вильямс, какая ему разница. Хоть груздем назови, лишь бы положили в лукошко. Мельком он все же отметил их смекалку – молодцы, что нашли этого зубного врача, его коллегу. Мало ли что может возникнуть в дороге, но уж зубного врача он всегда сможет изобразить. Всю остальную болтовню он почти не расслышал, он смотрел на Вирджинию. Что думает сейчас о нем эта женщина, так похожая на его мать в молодости? И что думала бы сейчас о нем его мама? Мама бы заплакала, конечно, узнав, на какой риск он идет. Мама попыталась бы его отговорить, запретила бы – но разве он когда-нибудь слушал ее запреты? Сколько глупостей он совершил из-за этого, в какие только не попадал передраги! Мама так хотела, чтобы он выучился на врача. Но после третьего курса медицинского института он бросил медицину и ринулся на телевидение – славы ему захотелось! И вот – мама снова оказалась права – жизнь заставила его быть зубным техником, а теперь заставляет быть и врачом – липовым, правда. И, не отрывая глаз от Вирджинии, Ставинский-Вильямс дал себе слово: по приезде в Россию при первой возможности съездить в Саратов на мамину могилу.

А Вирджиния, разглядывая Ставинского, думала о своем. Вот лежит перед ней человек, который согласился на этот чудовищный риск – ради чего? Риск, на который идет Вирджиния, – ничто по сравнению с его риском. Она прилетит и улетит, дай Бог, из этой России, а он там останется. Насовсем, навек. Она кое-что слышала о сегодняшней России от своего бывшего русского бой-френда, в ту пору читала и модного, только что приехавшего на Запад Солженицына, и книгу Баррона «КГБ», и вся Москва, вся Россия виделась ей отсюда сплошным концлагерем. Залететь туда на несколько дней и тут же выскочить – уже была опасная затея, а вот этот человек сам, добровольно согласился там остаться. Таких людей называют каким-то специальным японским словом. Каким? Ах, да – камикадзе! Но зачем, зачем он идет на это? Это ей еще предстояло понять...

Ставинский чувствовал, что пауза затягивается, что нужно что-то сказать. Мак Кери встал.

– Ладно, – сказал он. – Пока вы будете разглядывать друг друга, я поговорю с доктором Лоренцем.

Он вышел, и они остались вдвоем. Но ни он, ни она не спешили начинать разговор, да и не знали, о чем им говорить. Наконец Ставинский усмехнулся и сказал по-русски:

– Наверно, я выгляжу смешно в этой дурацкой повязке?

– Нет, – ответила она тоже по-русски. – Ви виглядаєте як реб'енок, которому набили нос.

Ставинский чуть не заплакал – этот мягкий грудной голос и эти слова – так действительно могла сказать только его мать. Он слабо улыбнулся:

– Вы очень похожи на мою маму...

Раздался негромкий телефонный звонок, Ставинский снял трубку.

– Привет, – сказал ему по-русски голос Керола, помощника Мак Кери. – Мой босс у вас?

– Он у доктора Лоренца. Я могу попросить телефонистку переключить вас.

– Да, попросите.

И снова они остались одни, в тишине. Молчали.

– Откуда вы знаете русский язык? – спросил Ставинский.

Но Вирджиния не успела ответить – вошел энергичный Мак Кери.

– О'кей, Вирджиния, нам пора ехать. Со своим мужем вы еще наговоритесь, а сейчас у нас масса дел.

Вирджиния встала.

– До свидания, – сказала она Ставинскому по-русски.

– До встречи, – ответил он.

– Доктор сказал, что через три-четыре дня вам снимут и эту повязку, – сказал Мак Кери. – Вирджиния, подождите меня в холле, я вас сейчас догоню, мне нужно сказать вашему мужу пару слов. – И когда за Вирджинией закрылась дверь, добавил: – Роман, звонил Керол – в Нью-Йорке полиция нашла подходящий труп, так что пора назначать ваши похороны. Если хотите, сегодня вы еще можете позвонить дочке как бы из Нью-Йорка, а завтра... завтра ей позвонят из полиции о том, что вы попали в автомобильную катастрофу.

Ставинский отрицательно покачал головой:

– Нет, завтра рано. Я хочу быть на этих похоронах.

– На своих похоронах?! – изумился Мак Кери.

– Да.

– Послушайте, это глупо. Нам придется ехать с вами и следить, чтобы вы чем-то не выдали себя. Это только лишняя трата времени.

– Я не выдам себя, не беспокойтесь. Просто я хочу увидеть дочь на своей могиле. Это не каждому удастся, не так ли?

– Вы трудный человек, Ставинский.

– Моя фамилия Вильямс. Роберт Вильямс. А Ставинский погиб в автомобильной катастрофе, и я хочу его похоронить. Все-таки я имел к нему какое-то отношение. И пожалуйста, не злитесь. Ведь это последняя возможность увидеть дочь, вы понимаете?

– Хорошо. Я подумаю, как это сделать, – сказал Мак Кери.

– И вот что еще: не говорите Вирджинии об этих похоронах, ладно?

– О'кей, – согласился Мак Кери. – Позвоните сегодня дочери, что на днях выезжаете в Нью-Йорк.

Следующие дни были заполнены у Вирджинии разными мелкими хлопотами – вместе с Мак Кери они составили маршрут свадебного путешествия, потом она заказывала билеты в транспортном агентстве, потом в советском посольстве получала визы – там ее долго уговаривали лететь в Европу на самолете советской авиакомпании «Аэрофлот», и Вирджиния, по совету Мак Кери, долго и придирчиво выспрашивала о сервисе на самолете, о питании, о разнице в ценах, и только когда русские доказали ей, что на советских самолетах они с мужем сэкономят больше ста долларов, она согласилась, что из Европы они полетят в Москву «Аэрофлотом».

Домой – нет, домой из Москвы они полетят самолетом американской компании. «Каждая страна начинается в своем самолете», – сказала она русским с улыбкой. Но она охотно – тоже по разработанному с Мак Кери плану – согласилась ехать в Россию не по туристическому классу, а по классу «люкс». Это получалось на семьсот долларов дороже, зато у них будут лучший номер в отеле «Националь», индивидуальное питание, двухдневная индивидуальная поездка в Ленинград, билеты на любые спектакли московских театров, включая Большой театр, а также в любое время, когда они пожелают, персональная машина «Волга» с водителем и гид, который говорит по-английски.

Конечно, все это предполагало, как говорил Мак Кери, персонального гида-кагэбэшника и персонального шофера-кагэбэшника днем и не исключало круглосуточного прослушивания их разговоров в номере отеля, но именно это и входило в расчеты Мак Кери – если супруги Вильямс будут постоянно на виду у КГБ, к ним уже не приставят негласных сыщиков и надзирателей.

Короче, после часа беседы с советскими чиновниками и консулом Вирджиния, к их удовольствию, прямо из посольства позвонила в свое туристическое агентство и попросила агента перезакзать билеты на самолет советской компании «Аэрофлот». Затем она взяла все нужные анкеты – их оказалось 24 листа, по двенадцать на нее и на мужа, и сказала, что на днях вышлет из Потомака и эти анкеты, и фотографии (их тоже нужно было сдать аж 12!). Советские попросили ее поспешить, не откладывать, ведь они должны сообщить об их прилете в Москву, чтобы там им забронировали хороший номер.

Вирджиния заверила их, что вышлет и анкеты, и фотографии завтра же. Уже прощаясь с ними, Вирджиния спохватилась – ох, а какая будет погода в Москве, как одеваться? Наверное, будут морозы?..

Из посольства Вирджиния поехала по магазинам. Это тоже входило в разработанный Мак Кери план. «Если советские заподозрят что-то, – говорил он, – они могут послать за вами слежку. Поэтому поезжайте в «Лорд энд Тейлор» и «Блумингдейл», закажите там себе и мужу дубленки, теплые ботинки и вообще посорите немножко деньгами – это их успокоит».

Оба они – и Вирджиния, и Мак Кери – понимали, что ее визит в советское посольство – это проба сил, испытание для Вирджинии – справляется она со своей ролью или нет. Поэтому подготовка к этому визиту, а говоря по-киношному – репетиция, заняла больше времени, чем сам визит. Но зато сам визит прошел успешно. Мак Кери собственными глазами видел, как Вирджиния вышла из посольства, села в «свою» машину с номером штата Мэриленд и поехала по магазинам – слежки за ней не было.

Но другие мысли беспокоили Мак Кери. Они сорят тут деньгами, сделали человеку пластическую операцию, на послезавтра назначены похороны Ставинского (уже и дочь его прилетела в Нью-Йорк со своим женихом, и в полиции ей предъявили найденные у покойного документы и изуродованный до неузнаваемости труп), а как там Юрышев? Что, если вся эта игра окажется мыльным пузырем, если никакая лодка не сядет на мель в ближайшие дни или вообще КГБ играет какую-то свою игру и готовит им ловушку? Уж слишком гладко и хорошо все развивается, и Мак Кери это не нравилось. Сегодня – 1 октября, он с утра наведлся в офис и усадил Керола следить за телетайпом и всеми сообщениями из Северной Европы, но в Европе было спокойно – если не считать, конечно, бурлящей Польши, коммунистической левизны во Франции, Ирландии, ну и так далее. Конечно, если советская подводная лодка сядет на мель сегодня или завтра, они – Мак Кери, Керол, Ставинский и Вирджиния – к началу операции еще не готовы: Ставинский еще в больнице, нос заживает не так быстро, как обещал доктор Лоренц, и еще нет виз для полета в СССР. Но лучше бы она все-таки появилась, эта лодка, тогда можно уверенно сказать, что Юрышев – это не фокус КГБ. И впереди был еще почти месяц юрышевского отпуска, они бы все успели...

Раздираемый этими мыслями, Мак Кери вызвал по рации Керола, передал ему слежку за Вирджинией, а сам уехал в офис. Как бы то ни было, а они сделали

первый шаг – завтра вместе с анкетами Вирджинии и Роберта Вильямса в советское посольство пойдут фотографии Вирджинии и... Юрышева – подлинного Юрышева, чтобы не было никаких осечек при его выезде с Вирджинией из СССР.

Тем временем Вирджиния, купив всякой зимней одежды для себя и для мужа, вернулась в отель. Ее «первый съемочный день» прошел успешно, но она не чувствовала удовлетворения. Конечно, она справилась со своей ролью, она была мила и респектабельна в советском посольстве, но какое-то внутреннее беспокойство и напряжение подтачивали ее душу. Этот человек в больничной палате, человек с глазами загнанного и смертельно раненного зверька... Даже не приняв душ, Вирджиния устало рухнула в постель и подумала, что у нее нет никакой охоты звонить Марку.

13

«Убитая горем дочь с прискорбием сообщает о преждевременной трагической кончине дорогого отца РОМАНА БОРИСОВИЧА СТАВИНСКОГО.

Отпевание и погребение в субботу, 3 октября, в 10 утра на кладбище Св. Владимирского монастыря, Нью-Джерси».

Ежедневная русская газета «Новое русское слово», выходящая в Нью-Йорке с 1910 года, по старой российской традиции печатает траурные объявления на самой первой странице рядом с сообщениями из Белого дома и другими политическими сенсациями. Ставинский сложил газету и отбросил ее на заднее сиденье машины. Вот он и дожил до своих похорон. «Убитая горем дочь» нашла ему место на кладбище русского монастыря в Нью-Джерси, и даже будет отпевание.

Ставинский никогда не верил в Бога и никогда не знал, кем себя считать – русским или евреем, поскольку мать его была еврейкой, а отец – русским. В России это называется странным словом «полукровка», и в молодости, при получении паспорта, Ставинский записал себя русским – по отцу. Это открывало

двери институтов и доступ на телевидение, и только в последние годы в отделах кадров завели новые расширенные анкеты, где нужно, помимо своей национальности, указывать девичью фамилию матери и полные фамилии, имена и отчества дедушек и бабушек по отцовской и материнской линиям. Это помогает отделам кадров выявить «скрытых» евреев, но Ставинскому это помогло получить разрешение на эмиграцию – ведь по израильским законам он еврей, поскольку мать у него еврейка. Но женат он был на русской, и поэтому Оля себя еврейкой никогда не считала. Да и какие они с ней в самом деле евреи, если по-еврейски не знают ни слова, если росли и воспитывались на русской культуре, в русских школах, с удовольствием отмечали русские и православные праздники – Пасху, масленицу и старый Новый год, а когда еврейские праздники – и не знали, и не интересовались.

С женой он разошелся ровно десять лет назад – она застала его дома с любовницей и ушла, хлопнув дверью, обозвав его «жидовской мордой», без всяких претензий на дочь, которую тоже назвала «жидовским отребьем». Ей было тридцать лет, она работала диктором московского телевидения, очень скоро выскочила замуж за украинского кинорежиссера и укатила с ним в Киев. А они с Олей прожили в России еще пару лет и укатили в эмиграцию по израильским визам. Но Оля в Израиль ехать не хотела, да и ему, как он считал, нечего там делать – он рвался в Большой Мир, в сказочную Америку. И вот – приехал. Приехал, чтобы в 46 лет лечь на каком-то полузаброшенном и запущенном кладбище в Нью-Джерси.

Ставинский усмехнулся – что ж, с этого кладбища в Нью-Джерси начинается его новая жизнь, посмотрим, какой она будет.

Мак Кери остановил машину на перекрестке и спросил у водителя соседней машины адрес русского монастыря – по карте получалось, что где-то рядом. И действительно, кладбище оказалось рядом – за перекрестком открывался старый парк с православной церковью и в глубине парка, за церковью, – покосившиеся и уходящие в землю православные кресты на могилах. Было без четверти десять утра, теплое октябрьское солнце сочилось сквозь густую зелень аллеи, по которой они въехали на кладбище.

Олю и ее жениха Джека Кросса, студента Портландского университета, они увидели сразу – на кладбище, кроме них, священника и двух рабочих возле дальней свежевыкопанной могилы, никого и не было. Мак Кери медленно повел машину в ту сторону.

– Наденьте очки, – сказал он Ставинскому.

Ставинский надел темные очки.

– И не вздумайте выходить из машины.

– Не беспокойтесь, – сказал ему Ставинский.

Они медленно проехали мимо этой сиротливой группы и видели, как Оля и Джек с надеждой оглянулись на их машину – авось по объявлению в газете на похороны приехал кто-нибудь из друзей Романа Ставинского. Ставинский увидел лицо дочери – осунувшееся и заплаканное. У него сжалось сердце. Увидит ли он ее еще когда-нибудь? Вряд ли... Хотя... У него и на этот счет были планы. Оля получила гражданство, ее отец умер, и советские власти не имеют к ней никакого счета. Почему бы ей с мужем не приехать в Россию туристами? Или в гости к ее матери? Дорогу он им оплатит из тех ста тысяч, которые CIA положит на его счет, – нужно только придумать, откуда на нее свалятся эти деньги. Но это детали... Он заметил на себе пристальный взгляд Мак Кери. Ладно, изобразим горечь на лице. Горечь и печаль. Вот так. Тем более что Оля уже отвернулась. Мак Кери провел машину в нескольких метрах от его, Ставинского, могилы и остановил ее поодаль, у какого-то свежепокрашенного могильного креста.

– Пожалуйста, не выходите из машины, – снова сказал он.

– Не беспокойтесь, не выйду.

Мак Кери открыл дверцу машины, вышел, взял из багажника купленный еще в Вашингтоне венок без надписи и положил этот венок на чью-то могилу. Так было задумано с самого начала – для Оли и всех, кто мог приехать на похороны Ставинского, они были просто посетителями у чьей-то чужой могилы.

Мак Кери постоял несколько минут возле этой чужой могилы, а Ставинский слышал через открытое окно, как там, поодаль, возле его могилы дочка сказала священнику:

– Наверно, никого не будет. Начинайте, пожалуйста.

Священник стал у закрытого гроба, лежавшего на холмике свежевскопанной земли, и начал отпевать раба Божьего Романа Ставинского. Мак Кери вернулся, сел за баранку и тронул машину.

Ставинский последним взглядом окинул собственные похороны. Жалкая картина. Сиротливая и жалкая... Когда они выехали с кладбища, он сказал Мак Кери:

– Давайте заедем в бар. Нужно выпить – помянуть покойника. Все-таки я знал его довольно близко.

– Н-да... – сказал Мак Кери. – Вы сильный человек, Ставинский.

14

Спустя три дня после визита Вирджинии в советское посольство дипломатическая почта доставила в Москву анкеты и фотографии семнадцати очередных американцев, которые просили у советского правительства въездные визы для туристической поездки в СССР. Из МИДа этот пакет переслали спецкурьером на площадь Дзержинского, 2, в 7-й туристический отдел Второго главного управления КГБ. Здесь, в канцелярии, анкеты изъяли из засургученного пакета, зарегистрировали в книге «Входящих документов», и большегрудая секретарша Катя аккуратно разложила их по отдельным папочкам, а затем понесла в кабинет начальника американского сектора майора Незначного.

– Новенькие прибыли, Фрол Евсеич, – сказала майору Незначному черноглазая двадцатипятилетняя Катя, внося в его кабинет эти папки на своей большой и высокой груди. Катина грудь не вмещалась ни в какой китель, и потому Кате давно разрешили ходить на работу не в форме, а в гражданском платье, несмотря на ее высшее сержантское звание – старшина. Собственно, в воинской гэбэшной форме в туристическом отделе вообще мало кто ходил на работу – по роду службы то и дело приходилось бывать в интуристовских гостиницах, ресторанах и прочих местах, где бывали иностранные гости, – но Катя, пользуясь этим спецразрешением, вообще ходила по учреждению в легкой прозрачной

блузке, в тапочках-шлепанцах и какой-то полудомашней ситцевой юбке, которую распирала ее мощные, ядроподобные бедра.

Закрыв за собой тяжелую дверь, Катя подошла к заваленному газетами и бумагами письменному столу Незначного, обошла его, став совсем рядом с майором, положила перед ним папки с семнадцатью анкетами и, глядя на Незначного своими выпуклыми, с влажной поволокой глазами, ждала, не скажет ли он ей что-нибудь. Ее грудь нависала над его плечом, и Незначный слышал совсем рядом с собой печальное, томительное Катино дыхание. Он знал, что стоит ему протянуть руку к этой груди или к этим бедрам, как Катя обомлеет от счастья, темные, с поволокой глаза закатятся под веки, а все жарко-тяжелое Катино тело тут же упадет к нему на кресло, или на стол, или на пол – куда он прикажет. Но вот уже два года – с того самого дня, как Незначный из простого оперативника стал в свои тридцать три года начальником сектора и понял, что служебное рвение может вознести его еще выше, – с этого самого дня он держит Катю на расстоянии. Нечего! Нечего поддаваться томным вздохам этой коровы, его партийное и офицерское дела должны быть чистыми.

– Иди, Катя... – сказал он.

Катя вобрала воздух полной грудью, потом выпустила его с шумным печальным вздохом и молча направилась к двери. Незначный смотрел на ее крутые, перекатывающиеся под зеленой ситцевой юбкой бедра и мысленно восхитился своей стойкостью. Правильно, так держать, майор. Но когда дверь за Катей закрылась, майор Незначный вздохнул, представляя, как эта Катя понесет сейчас нерастраченный жар своего тела, большую мягкую грудь и бедра по другим кабинетам, и где-то там, в немецком, французском или японском секторе кто-нибудь из бездельничающих офицеров простым движением руки заголит мощные Катины прелести. Словно увидев эту сцену наяву, Незначный ревниво и нервно закурил.

С тех пор как должность начсектора открыла ему доступ в офицерский распределитель III (начальственной) категории, что совсем рядом, в Большом Комсомольском переулке, Незначный испытывал дополнительное тщеславное удовольствие оттого, что курит не какие-то там «Столичные» или «ТУ-134», а американский «Кент». Загасив спичку и выпустив облако дыма, Фрол Евсеич как бы поставил между собой и Катей дымовую завесу и взял себя в руки. Нужно работать. Конечно, ничего интересного в этих папках, которые принесла Катя, быть не может. Летний сезон закончился, за окном 1 октября, холодный

полудождь-полуснег, самое отвратительное время года. В такое межсезонье, в эту октябрьскую ознобную сырость кого может занести в Россию, кроме безмозглых американских старух или ностальгирующих канадских украинцев тысяча восемьсот вшивого года рождения? Пойди выполни с таким контингентом план по вербовке! Вот уже два года он пытается убедить полковника Орлова, чтобы план по вербовке американских и канадских туристов ему давали разово, на год. Тогда богатый летний и недурной зимний уловы могут покрыть вынужденное безделье осенью и почти пустые сети весной. Но у Орлова свои доводы: а поквартальную премию как будем получать? Не будем?

Незначный открыл верхнюю папку. Так и есть. С первого же листа фотографий, приколотого к анкете, на него смотрели двенадцать совершенно одинаковых лиц одной и той же разукрашенной, как кукла, старухи. Мириам Стюард, 1903 года рождения, штат Небраска, одинокая, пенсионерка, застрахована компанией «Хелс энд Лайф иншуренс», проживает в каком-то занюханном Мадисоне. Нужно взглянуть на карту – нет ли возле этого Мадисона объектов специнтереса, но если и есть, усмехнулся про себя Незначный, что может знать о них эта Мириам Стюард, хозяйка прачечной-автомата?! Ладно, следующий. Снова двенадцать цветных фотографий, снова кукольно-детское старческое личико из штата Флорида – госпожа Рея Викс, 1908 года рождения...

Незначный никогда не мог понять, почему эти американские старики и старухи так много путешествуют... Особенно зимой и осенью. То есть он знал, конечно, что зимой и осенью цены на авиабилеты и всякие туры на Западе куда дешевле, чем летом, но даже и по самым дешевым билетам пойди попробуй заставить его семидесятилетнюю мать поехать из Гжатска, скажем, в Бухару, Ригу или даже в Ялту! Он ее и в Москву-то вытащить не может годами – живет в своем ветхом домике на окраине Гжатска, копается там в своем огороде, и нет ей ничего милей на свете. А у этих американских старух да стариков такие дома во Флориде или еще где-то, что его матери и не снилось, а – нате, тащит их по всему свету в любую непогоду, катят они через города и страны в роскошных интуристовских автобусах, беззаботной стайкой вытряхиваются из этих автобусов у подъездов гостиниц, щелкают друг друга на фоне Кремля, русских церквей и Большого театра, ходят целыми днями по музеям и все улыбаются своими поразительно белыми вставными зубами. И все для них «вандерфул», «тачинг», «эксайтинг».

Но не станешь же вербовать эту семидесятитрехлетнюю Рею Викс, которая родила четверых детей, пережила третьего мужа и теперь наслаждается

путешествиями – Китай, СССР, Стокгольм, Париж, Рим, Лондон. Ничего себе маршрут для ее возраста! Незначный открыл следующую папку. И тут с двенадцати следующих фотографий на него посмотрели карие, спокойные глаза г-жи Вирджинии Парт-Вильямс. Круглый абрис молодого лица, волосы аккуратно подобраны, рот чуть полуоткрыт в улыбке. Незначный метнул взгляд на анкету. Ух ты, актриса прямо из Голливуда! Оч-чень интересно! История знает массу актрис, которые были прекрасными шпионками. Мата Хари и эта... как ее? Марлен Дитрих. Так, мотивы прибытия в СССР – свадебное путешествие. Кто же этот счастливый молодожен? Незначный с легким уколом зависти перелистнул анкету и увидел его – Роберт Вильямс, врач из Потомака, штат Мэриленд. Замкнутое лицо сорокашестилетнего холостяка, крепкая челюсть, прямой взгляд глаз малопонятного, серо-карего, что ли, цвета.

Неплохо! Конечно, лучше бы он был каким-нибудь физиком или химиком, на худой конец компьютерщиком, а еще бы лучше президентом компьютерной фирмы, и вообще эта актриса могла бы подобрать себе кого-нибудь из сенаторов, но, видать, не подобрала, а Незначному выбирать не приходится, особенно в такое время года. Итак, врач из Потомака, штат Мэриленд. Мэриленд – это же рядом с Вашингтоном.

Незначный встал из-за стола. Разминая затекшую ногу, обошел стол и сейф и подошел к полке с книгами, американскими журналами – «Лайф», «Тайм», «Ньюсуик», «Плейбой». Здесь же вперемежку с журналами стояли «КГБ» Баррона, «Большой террор» Конквиста и доклады CIA Американскому конгрессу. Но, порывшись в этом беспорядке, Незначный с досадой почесал в затылке. Опять этот Савин из научно-технического отдела утащил у него географический атлас США. Но звонить Савину и ругаться с ним некогда и неохота, у Незначного есть другая, «заветная» карта США. Он прошел к двери и тихим, неслышным движением опустил защелку английского замка. Именно об этом жесте – предвестнике близости – уже два года мечтает крутобедрая секретарша Катя. Но, усмехнулся про себя Незначный, сейчас этот жест не для нее. Он достал из кармана ключи от сейфа. Там, кроме всяких секретных инструкций, папок с текущими и архивными делами, стояла на самой нижней полке завернутая в газету «Известия» початая бутылка водки, рядом лежали два яблока для закуски, но не за этим открыл свой сейф Фрол Незначный. На дне сейфа, аккуратно уложенная в шестнадцатый том Советской энциклопедии, лежала особая, «заветная», карта США и Канады, которую – Незначный это хорошо знал – надо было давно либо уничтожить, либо сдать в секретную часть. Но не было сил проститься с этой картой, не было. Потому что на этой простой, двадцатикопеечной карте Незначный уже девять лет отмечает одному ему

известными значками и цифрами американские города и веси, в которых живут его «крестники» – те, кого именно он, Незначный, склонил к сотрудничеству с КГБ во время их туристических или деловых приездов в СССР. Он не имел права вести этот учет и не знал, работают или еще не работают на КГБ эти люди, его дело – лишь первичная обработка приезжающих, а потом, если первичная обработка проходит успешно, «крестники» переходят совсем в другие руки, к полковнику Орлову, и лишь иногда, если какой-нибудь «крестник» или «крестница» снова прибывают в СССР, Незначного привлекают для его дальнейшей «доработки». Незначный открыл шестнадцатый том Советской энциклопедии, извлек сложенную гармошкой карту США и разложил ее на столе. Вот они, его маячки. Зелеными, красными и синими кружочками отмечены американские и канадские города, а внутри кружочков цифры – 32 человека в Нью-Йорке, 27 – в Лос-Анджелесе, 41 – в Бостоне, 4 – в Хьюстоне, 19 – в Вашингтоне, 11 – в Филадельфии, 14 – в Олбани...

Цифры приходится обновлять, заклеивать новыми, но эта работа всегда радует Незначного. Конечно, не все эти цифры шлют в центр свою информацию, не все еще встречаются с советскими агентами, но рано или поздно в каждой этой грядке прорастет посаженное Незначным зернышко и будет, будет давать свои плоды! С тихим удовольствием трудолюбивого садовника оглядел Незначный карту Америки. Совсем недурной сад посадил он в стране, где никогда еще не был. Во всяком случае, для девяти лет работы совсем недурной. А ведь он, Незначный, – всего лишь один из армии садовников КГБ, и, если сложить всю их работу, если нанести на эту карту всех резидентов и завербованных агентов – бизнесменов, адвокатов, ученых, журналистов, банкиров, президентов компаний, профессоров, чиновников, политических деятелей и священников – ого! – эта кичливая Америка покроется сыпью мигающих условными кодами датчиков... Ладно, нечего терять время на рассуждения, где этот Потомак в штате Мэриленд? Так, вот он. Ух ты – совсем рядом от Вашингтона, замечательно! Теперь можно и нужно позвонить Савину. Незначный быстро сложил карту, сунул ее в энциклопедию, а другой рукой уже снял трубку с телефонного аппарата и набрал короткий, четырехзначный внутренний номер.

– Савин? Это Незначный. Опять ты свистнул мой атлас Северной Америки? Ладно, не ори! Мне срочно нужна полная справка о Потомаке в штате Мэриленд. Да, похоже, есть кандидат в «крестники». Богатое предместье Вашингтона? Биржевые брокеры, дипломаты, чиновники высокого ранга, кто еще? А баз или спецобъектов нет в этом Потомаке? Короче, всю информацию, подробную карту, точки специнтереса – срочно, через десять минут, лады? Прислать тебе Катю?

Незначный положил трубку и придвинул к себе папку с анкетами прибывающих американцев. Пожалуй, для этой пары молодоженов нужна особая, отдельная папочка – тут пахнет интересной работой. Зубной врач из богатого предместья Вашингтона – значит, у этого Роберта Вильямса лечатся биржевые акулы капитализма, высокие чиновники вашингтонской администрации, дипломаты и мало ли кто еще! А актриска из Голливуда – это замечательно. Если они только поженились, значит, Вильямс будет устраивать приемы для своих друзей, сам выезжать в свет, на всякие партии и вечеринки – должен же он похвастать своей молодой женой...

Азарт охотника уже гнал мысли Незначного, но опыт удерживал от излишнего фантазерства. Теперь важно дотошно изучить все 24 страницы анкет этих молодоженов. Незначный вытащил из папки анкеты Вильямсов, положил в отдельную папку и рядом положил свой блокнот.

Оттачивая карандаш, он уже не спеша читал заполненную Вирджинией анкету. Она занималась в Нью-йоркской театральной студии, изучала систему Станиславского и даже выучила русский, чтобы читать Станиславского и Чехова в подлиннике. Прекрасно. Будет тебе, детка, знакомство с театральными режиссерами и актерами, билеты в наши лучшие театры.

Мысленно Незначный уже прикидывал, кого из сотрудничающих с КГБ артистов и режиссеров свести с этой Вирджинией. У нее округлый ровный почерк, и каждую букву она выводит четко и полно, «о» круглое, замкнутое. Значит, характер спокойный, ровный, без экстравагантности, и натура цельная, несколько сдержанная. Похоже, тут нужен кто-нибудь из солидных, спокойных людей. И не обязательно артист, а скорей – режиссер или драматург. Дмитрий Ласадзе тут нужен, вот кто! А у этого Роберта Вильямса почерк резкий, концы каждой строки упрямо ползут вверх, отрываются от линеек в анкете.

Самоуверенный, с комплексом неудовлетворенности, возможно – талантлив. До сорока шести был холостяком. Наверняка любит молоденьких девочек. А кто их не любит? – усмехнулся про себя Незначный. Будут тебе девочки, дорогой! Будет тебе такая девочка – задохнешься! Никакая молодая жена не удержит от соблазна, да она и не так молода, твоя Вирджиния...

И, выписывая себе в блокнот короткие, тезисами, наметки будущих ловушек для супругов Вильямс, план подхода и сближения с ними, Незначный снова и снова вглядывался в их лица и пытался оживить их в своем воображении. Конечно, он даст «добро» на их въезд в СССР. Еще бы! С сегодняшнего дня эти два лица

становятся для него важней, родней и ближе, чем собственная жена. Он должен полюбить их, как близких друзей, он должен по этим анкетам и фотографиям представить себе их привычки, склонности, образ жизни. Этот Вильямс до сорока шести лет не был женат. Значит, привык жить для себя и, как все закоренелые холостяки, бережет здоровье. Незначному захотелось предложить ему закурить. А еще бы лучше сесть с ним за стол, поставить на этот стол бутылку водки и сразу обо всем договориться. Но так, конечно, нельзя, такой разговор будет у них в конце их визита в СССР, когда Незначный положит перед этим Вильямсом фотографии его любовных утех с русскими девочками. Уж он прижмет его к стенке этими фотографиями! Позор – приехал в СССР с молодой женой, а сам тут же ударился в разврат – потеря жены, репутации, клиентуры, фотографии оргий американского дантиста в Москве где-нибудь в «Вашингтон пост» или в «Плейбое». Как вам нравится, господин Вильямс, такая перспектива? Дорогой мой, милый! Каких девочек ты любишь больше? Блондинок, брюнеток, рыжих, толстеньких, худеньких, кричащих, постанывающих, томно-спокойных или с бешеным темпераментом? Ладно, мы тебя встретим в аэропорту и посмотрим, на каких задерживается твой взгляд. А тогда уж и подберем. Хотя... От Оленьки Маховой еще никто не отказывался, ни один иностранец! Оленька Махова – это нечто! Ее Незначный держал всегда про запас, на самый пожарный случай, когда «крестники» отвергали другие варианты. Но, пожалуй, ради вашингтонского гостя можно пойти прямо с ферзя, тем более что эти Вильямсы приезжают всего на десять дней, и тут нельзя и дня терять, тут нужно сразу ходить с козырей. Ладно, отдам тебе Ольгу Махову, решил Незначный, гулять так гулять! Только давайте уж приезжайте быстрее, милые вы мои Вильямсы. Я тут окружу вас чисто русским гостеприимством, каждый ваш шаг заранее вычислю и на каждом шагу подложу что-нибудь эдакое, проверенное, что уже не раз сработало безотказно.

Незначный стал разрезать фотографии Вирджинии – одну нужно отправить в оперативный архив, одну – в картотеку, две – в гостиницу, где останутся молодожены, одну – на Шереметьевскую таможню, а остальные останутся ему для оперативной работы, для сотрудников, которые будут «вести» этих Вильямсов по московским и ленинградским улицам, в ресторанах, в театрах и в больницах, куда непременно устроит визит Вильямсу Незначный – так сказать, дружеская встреча с советскими коллегами.

«Дорогая моя», – нежно подумал о Вирджинии Незначный, разглядывая еще раз ее фотографию. Морщиночки у тебя небольшие у глаз и улыбка на губах. Любишь посмеяться? Насмешим. Найдем хохмачей. Только приезжай, приезжай поскорей и привози своего дантиста... Я бы и сам тебя посмешил и приласкал по-

нашему, по-русски. А может, действительно самому ею заняться, мелькнуло в мозгу у Незначного.

Азарт, азарт профессионального охотника разбередил душу Незначного, а теплые карие глаза этой актрисы из Голливуда наполнили сердце мужским томлением. В конце концов чем черт не шутит...

Кто-то дернул снаружи дверь его кабинета, оторвал от мыслей.

– Кто там? – спросил Незначный.

– Савин вам справку прислал, Фрол Евсеич, – послышался из-за двери Катин голос.

– Сейчас... – Незначный встал, прошел к двери и открыл ее.

За дверью стояла Катя. В руках у нее был атлас США и отдельно – несколько листов справки по Потوماку с подробной, переснятой из географической энциклопедии США картой этого городка в пригороде Вашингтона.

Незначный протянул руку за этими материалами, но Катя словно не видела этого жеста.

– Вы поглядите, что на улице творится! – сказала она Незначному и быстро прошла мимо него в кабинет, к зарешеченному окну.

Незначный невольно посмотрел ей вслед и дальше – за окно.

За окном действительно «творилось» нечто – сплошной метельный снегопад, первая зимняя московская вьюга. Снег шел такой густой, что в кабинете потемнело, а он и не заметил этого – так увлекся своими американцами. Даже другие анкеты еще не просмотрел.

– Нет, вы глядите, глядите, что делается! – восторженно сказала Катя, налегая на подоконник своей полной грудью, отчего юбка задралась на ее ногах и шары бедер закруглились еще больше. – Глядите!

Незначный подошел к окну. С четвертого этажа их большого монолитного здания был виден перекресток улицы Дзержинского и Кузнецкого моста. Но сейчас вся перспектива улиц была заштрихована, закрыта этой первой навалившейся на город метелью.

В еще не прихваченной морозцем снежной жиже беспомощно, с залепленными снегом окнами торчал на перекрестке троллейбус – его слетевшие с проводов штанги болтались в воздухе, высекая при встрече с проводами белые искры. Из троллейбуса выходили на улицу люди и спешили к тротуару на разъезжающихся в снегу ногах. Какая-то женщина с полными сумками в руках, уже добравшись до тротуара, сделала немыслимый пируэт и упала. Сумки разлетелись в разные стороны, и из них покатались по снегу красные болгарские помидоры. И, не вставая с тротуара, женщина принялась собирать их.

– Вон слева, слева еще три! – подсказывала ей сверху Катя, словно та могла ее слышать. Стоя позади Кати, которая своей фигурой перекрывала две трети узкого подоконника, Незначный тоже наклонился вперед, чтобы увидеть безумие этой метели и эту женщину на тротуаре, и невольно коснулся своим животом жарких Катиных бедер. Катя замерла, и ее дыхание остановилось. И руки Незначного сами собой, против его воли и рассудка легли на Катини бедра.

Но даже нарушая собственный зарок и служебную дисциплину, даже загребая на себя руками большую и мягкую Катину грудь, помнил Незначный, что скоро, скоро приплывут, прилетят в его сети новенькие американские «крестники» – Вирджиния и Роберт Вильямс. И ликовал при этих мыслях, передавая и Кате свое волнение.

15

– Джек? Привет, Джек! Как поживаете? Это Дэвид из «Вашингтон найт-ревью». Мы с вами месяц назад виделись в Стокгольме...

– А, Дэвид! – донеслось из далекой Москвы, и Мак Кери понял, что Стивенсон узнал его и удивился его звонку. – Как дела, Дэвид?..

– Все замечательно. А как у вас?

Мак Кери и сам не знал, о чем и как говорить со Стивенсоном. Но сегодня 6 октября, через полчаса идти на доклад к шефу, а что докладывать? Никакой подводной лодки у берегов Швеции нет, хотя Юрышев обещал, что она появится в начале октября. Но может быть, Юрышев подал Стивенсону какой-нибудь знак, позвонил и сказал, что операция отменяется, откладывается или еще что-нибудь. Говорить об этом со Стивенсоном напрямую нельзя – телефон Стивенсона, как и всех остальных иностранных корреспондентов в Москве, безусловно, прослушивается КГБ. Но как-то же нужно дать знать этому Стивенсону, что он от него хочет...

– Вы обещали нам статью, Джек. Помните? – начал Мак Кери. – Вы говорили, что пришлете в начале октября. Сейчас уже 6 октября, редактор просил меня узнать, планировать ли вашу статью в ближайшие номера или нет. Я имею в виду – будет ли ваша статья в начале октября... – Мак Кери говорил без остановки, нажимая на слова «начало октября», чтобы Стивенсон сообразил, о чем идет речь. – Если статья еще не готова, это не страшно, Джек, лишь бы знать, что она наверняка будет. Что вы скажете, Джек? У вас не изменились планы?

Стивенсон молчал. Он там соображал, наверно, что и как ответить.

– Алло! – сказал Мак Кери. – Может, вы назовете другую дату? Подумайте, Джек! Нам очень нужна эта статья.

– Кхм... – прокашлялся Стивенсон. – Честно говоря, Дэвид, у меня нет возможности собрать материал для этой статьи. Знаете, тут ведь так все секретно, у этих русских... – Он наконец нашел форму и тон разговора, и голос у него стал уверенней. Он знал, что все его телефонные разговоры КГБ записывает на пленку, но позволял себе отпускать всякие шпильки в адрес русских, пусть слушают, черти. – Вчера я попробовал встретиться с шеф-поваром Кремля, хотел написать репортаж о кремлевской столовой, так и то мне не разрешили – оказывается, меню господина Брежнева тоже засекречено. Поэтому даже не знаю, что вам сказать. Тут очень трудно работать, а достать какой-нибудь свежий материал просто невозможно...

– Понятно, – огорченно сказал Мак Кери. – Жаль... Ну, хорошо. Если будут какие-то новости, звоните, ладно? Как там погода в Москве?

– Б-р-р... – только и сказал Стивенсон.

– Всего наилучшего, Джек!

– И вам...

Мак Кери повесил трубку – он звонил Стивенсону не из CIA, а из телефонного автомата, поскольку русские в советском посольстве уже давно имеют аппаратуру, которая позволяет им прослушивать телефонные разговоры CIA. «Дожили! – подумал Мак Кери. – Разговариваешь с Москвой и боишься, что тебя подслушивает КГБ сразу с двух сторон провода – и в Москве, и в Вашингтоне. Черт подери этого Стивенсона, сидит там, может быть, в миле от этого Юрышева и не может с ним связаться. А тут пойдя угадай, когда появится эта лодка – сегодня? завтра? или никогда?»

Он вышел из телефонной будки, сел в свой «форд» 79-го года и взглянул на часы. Было полтретьего, на три часа дня у него был назначен доклад шефу о готовности операции «Чужое лицо».

Но когда он приехал в офис и, проходя к лифту, привычно кивнул дежурному охраннику: «Хай, Билли! Как дела?» – черный Билл удивленно вскинул на него глаза:

– Сэр, вы еще ничего не знаете? В Египте убили Садата.

– Эмиграция – это отдельная страна. Да-да, есть Россия, есть Америка, Китай, Франция. А еще есть такая страна – эмиграция, – говорил Ставинский. – Когда я уезжал из России, я думал, что еду в Америку. Из России в Америку. Из мрака к свету. Из варварства и отсталости в двадцать третий век. Но оказалось, что я приехал не в Америку. Я приехал в жестокую и чужую страну, которой нет на

карте, – в эмиграцию. В этой стране нет столицы, нет театров, нет жизни. Это какая-то пустыня или океан, где каждый плавает на своей отдельной льдине и ищет, куда бы ему приткнуться. Некоторые выстроили себе на этих льдинах дома с гаражами и даже плавательными бассейнами, некоторые собрались и организовали такие архипелаги из этих льдин, как Брайтон-Бич в Нью-Йорке, и у них там есть даже свои русские рестораны и кинотеатр, где они смотрят фильмы из своей прошлой жизни – советские фильмы. Но все равно это жизнь на льдине. Холодная и пустая. Дети сбегают с этих льдин. Дети уходят в американскую жизнь, как-то приживаются в Америке, или в Европе, или в Израиле и становятся нормальными людьми. Но взрослые, такие как я... Нет. Мы остаемся на льдине, мы обречены плыть на своей льдине в одиночку до самого конца жизни. И тут ни при чем Америка, Америка ни в чем не виновата. Я думаю, что, если бы можно было эмигрировать на тот свет, даже в рай, с нами там было бы то же самое. Потому что, когда вы отрезаете корни молодому деревцу, оно на новой почве пускает новые корни. Но отрежьте корни взрослому дереву – и оно погибло, оно засохнет. Я не хочу сохнуть на своей льдине. Я хочу в старую жизнь. Я помню, в Вене, в ХИАСе нам говорили, что мы вырвались из тюрьмы на свободу. Это правильно, но что мне делать с этой свободой? Я в той тюрьме чувствовал себя свободней, чем здесь, – я там жил, жил на полную катушку, преодолевал какие-то трудности и гордился этим, обсуждал порядки в этой тюрьме со своими друзьями, спорил, любил женщин, читал запрещенную литературу – у меня была полная жизнь, вы понимаете?

Вирджиния не прерывала его. Слушала. Уже третий день они убивают время в ожидании, когда их отправят в Россию. Мак Кери сказал, что все дело за визами из советского посольства. По идее, визы должны быть со дня на день, сказал он, из советского посольства таки позвонили в Потомак доктору Вильямсу, якобы уточнить какие-то детали в их анкетах. Но доктор Вильямс был готов к этому звонку, четко и точно ответил на их вопросы, и русские обещали ему, что визы будут в ближайшее время. Теперь у Ставинского и Вирджинии было много свободного времени, и это время они проводили вместе – гуляли по Вашингтону, сидели в дорогих кафе, ходили по выставкам и музеям, кормили белок в парках. И Ставинский рассказывал Вирджинии о своей жизни и о России.

– Нет, вы, американцы, не можете этого понять. Вам кажется, что если человек тоскует по своей родине – значит, ему не нравится ваша страна. Но в том-то и дело, что эта страна – ваша. Она не стала моей, хотя я прожил здесь шесть лет. И никогда не станет, потому что я не рос на этой земле, не дрался здесь с мальчишками, не стрелял здесь по воробьям, не стоял здесь в очереди за хлебом и не целовал здесь свою первую женщину. Мне здесь нечего делать, да и не

интересно делать что-то. Ради кого? Для кого?

Черная белка выскочила из-за куста на аллею и уселась на задних лапках, изящно подняв пышный хвост и вопросительно глядя на Ставинского и Вирджинию черными бусинками глаз.

– Вот, – сказал Ставинский. – У вас даже белки другие – черные. А в России белки рыжие. И я привык к рыжим белкам, ну что тут поделаешь? Знаете, что сказала мне дочь, когда мы сюда приехали? Она полгода не выходила из квартиры, даже в парк погулять. Она говорила: «Папа, мне здесь цветочки не пахнут, меня здесь солнышко не греет, меня здесь травка не ласкает, отвези меня назад». Вот. Но у нее это прошло, она уже и по-русски едва говорит, а я... Нет, меня здесь солнышко не греет... И поэтому я должен, должен вернуться.

17

– Хорошо, допустим, что убийство Садата смешало им какие-то планы. Хотя и не доказано, что русские имеют отношение к этому убийству, но ясно, что им это на руку. На их месте я бы тоже не стал сейчас напрягать обстановку в мире до такой степени – в Египте убивать Садата и в то же время пугать Европу своими подводными лодками. Я бы тоже что-то изменил, отложил. Но сегодня уже двадцатое октября, сколько можно ждать? Неужели никак нельзя связаться с этим Юрышевым и узнать, в чем там дело?

Даниел Дж. Купер раскачивался в кресле и тоскливо смотрел в окно. Октябрьские дожди заштриховали Вашингтон, убийство Садата дает Кремлю новые карты для игры на Ближнем Востоке, Белый дом требует от CIA точной информации о русских планах, и он, Купер, уже намекал в верхах, что в ближайшее время даст президенту самую точную информацию, но... где же эта чертова подводная лодка и где этот полковник Юрышев?

– Я уже дважды звонил в Москву этому Стивенсону, – сказал Мак Кери. – Но у него никаких новостей нет, а сам он выйти на этого Юрышева не может. И вообще, выходить на него напрямую опасно – можно завалить все дело. Единственное, что остается, – ждать седьмого ноября, военного парада на Красной площади. Обычно на этих парадах бывает весь Генеральный штаб. Если

Юрышев будет на этом параде, Стивенсон может как бы случайно попасться ему на глаза и дальше – судя по обстановке... Но для этого его нужно вызвать из России и проинструктировать. И было бы эффективней, если б вы с ним поговорили сами.

– Н-да... Слабая возможность, прямо скажем. Как говорят русские, хуже нет, чем ждать и догонять. Ладно, я знаю редактора «Вашингтон геральд». Попробую уговорить его вызвать этого Стивенсона сюда на пару дней. А что с этим двойником-эмигрантом и его «женой»?

– По-моему, у них роман в самом разгаре, – усмехнулся Мак Кери. – Во всяком случае, они все время вместе, и я боюсь, как бы они не поженились всерьез. Тогда либо он откажется лететь, либо она тоже захочет остаться в России.

– Этого только не хватало! CIA в качестве сводни или бракопосреднического бюро. А что? Может быть, в самом деле нам с вами закрыть эту лавочку и стать свахами – у нас это неплохо получилось. У них уже есть визы в Союз?

– Визы пришли доктору Вильямсу четыре дня назад, и вчера он улетел во Флориду отдыхать. Но Ставинскому и госпоже Парт я еще не сказал, что есть визы, – как я им тогда могу объяснить задержку?

– Хорошо. Давайте подождем еще, ну... пять дней. Если не будет ни подводной лодки, ни сигнала от Юрышева – придется их отпустить по домам.

– Ну, госпожа Парт поедет, конечно, домой. Но вот Ставинский... Он уже похоронен, он не может вернуться к дочке с того света. К тому же с чужим лицом.

– Н-да... Действительно. Что же он будет делать?

– Придется, я думаю, заплатить ему хотя бы треть обещанной суммы как неустойку или компенсацию. А дальше пусть он сам думает.

– Но как он будет жить в Америке? Под какой фамилией? Ведь его социал-секьюрити номер уже закрыт. А добывать ему другой – это объяснить в ФБР, что и как, и зачем! Елки-палки, ну и кашу мы с вами заварили! – Купер встал и со

вздохом подошел к окну. Скука серого дождя была за стеклом. Там, в Москве семь законспирированных резидентов работают в разных советских организациях на СІА. Несколько русских дипломатов и сотрудников МИДа в Москве не брезгают брать взятки. Но он не может выпустить их на этого Юрышева – это слишком рискованно. Нет, нужно ждать. Как это поется в русской песне? «Нужно только выучиться ждать, нужно быть спокойным и упрямым...»

– Ладно, – сказал он. – Ждем до двадцать пятого числа.

18

Уже несколько раз звонил Вирджинии Марк, говорил, что скучает и хочет прилететь к ней в Вашингтон. Мужчины всегда так. Когда она была там, под боком, он целыми днями, а порой и ночами, шлялся где-то, ему не сиделось с ней дома, у него были свои дела, свои компании. А теперь он заскучал. Вирджиния нервно отвечала, что занята, что целыми днями съемки, что она вот-вот должна улететь в экспедицию, а Марк говорил, что он тем более хочет повидать ее перед отъездом, ведь они уже месяц не виделись. Последний разговор был особенно трудный, Марк наигранно бодрым голосом спросил, не завела ли она себе любовника в Вашингтоне, и Вирджиния тут же нагрубила ему – она же не проверяла его, когда он исчезал из дома с голливудскими потаскухами, которые называли себя продюсерами. Марк обиделся, Вирджиния бросила трубку. Она и сама не знала, что с ней происходит. Разум взрослой женщины говорил ей, что нельзя увлекаться этим русским камикадзе – тут нет будущего, он останется в России и пропадет там. А если и не пропадет – что ей из этого, они уже никогда не увидятся. Но совсем другое чувство заставляло ее ждать, когда он позвонит, и проводить с ним все свободное время. Жалость к нему? Нет, это уже была не жалость, а что-то совсем другое, чему и нет названия. Но предложите любой женщине встретиться с мужчиной, который сознательно идет на чудовищный, смертельный риск, – скажем, на пересадку сердца, или на безвозвратный полет на Венеру, – и она скажет: «Да, я хочу его видеть», и за этим «видеть» будет гораздо большее. Может быть, потому в пещерный век женщины крепче и верней любили своих мужчин – ведь эти мужчины каждый день уходили на смертельный риск охоты на диких зверей... И еще одно, какое-то неосознанное чувство ревности руководило ею – ревности к России. Вирджиния считала себя американкой, настоящей американкой, да она и была ею. И вот появляется

человек, который готов изменить ее стране, который предпочитает какую-то далекую, страшную Россию ее стране, словно бросает одну женщину ради другой.

Показать ему эту страну, заставить его если не полюбить, то хотя бы восхититься тем, чем она, американка, привыкла гордиться с детства, считая, как и все американцы, что нет в мире места лучше Америки и нет страны прекрасней...

Вирджиния набрала в «Эксоне» путеводителей по всем окрестностям Вашингтона, и они со Ставинским объезжали национальные парки, этнографические музеи, останавливались в экзотических индейских ресторанах-бунгало, в японских, китайских, французских и украинских ресторанах, ходили на концерты симфонического оркестра Ростроповича, на французский балет, в японский театр – весь мир был в Америке, все и вся приезжали сюда, на эту «крышу мира», а он, Ставинский, – отсюда?

В их отношениях еще не было того, о чем сказал Мак Кери своему шефу Даниелу Дж. Куперу, – не было постели, даже поцелуев или тех как бы случайных касаний рук, плеч, взглядов, которые возбуждают сексуальный позыв. Ставинский вел себя как брат, как сын – и это легко сломало привычную настороженность женщины к мужчине, который может и даже как бы имеет право посягнуть на тебя – все-таки они хоть и фиктивные, но «супруги»... Но это же и задевало ее женское самолюбие – вот после целого проведенного совместно дня, после прогулки по романтическому национальному парку, где они стояли над рокочущим водопадом Потомака, бродили среди осенней зелени в уютной осенней тишине, после вечернего концерта с расслабляющей музыкой Сен-Санса, – вот он привозит ее в отель, провожает до лифта и... «Спокойной ночи, Вирджиния. Какие у нас планы на завтра?» – «Еще не знаю. Может быть, с утра позвонит мистер Мак Кери?» – «О'кей, созвонимся. Спокойной ночи!»

Она уходила в свой номер, перебирая в памяти прожитый день, и нигде не могла найти то, что выдало бы в нем иное, кроме дружеского, к ней отношение. Что он – не хочет замечать в ней женщину? Или она уже не способна привлечь мужчину? Он так бредит своей Россией, он так спокойно, как путешественник, разглядывает все эти водопады, парки, скалы, рестораны – ну так пусть он едет в свою чертову Россию, скорей бы! И вообще какого черта эти сийэшники тянут с командировкой? Уже прошел месяц, как она торчит в этом Вашингтоне, практически ее «контракт» кончился вчера, а она еще и не летала в Россию и

неизвестно когда полетит. Она может спокойно сказать им: все, месяц истек, и она больше не может этим заниматься. И – уехать домой. В конце концов это их дело, а не ее. Они просили у нее месяц – этот месяц истек... Да, пожалуй, она так и сделает. Завтра же утром. Позвонит этому Мак Кери и скажет. И пусть они выплатят все деньги, которые ей положены за этот месяц. А то, что не было командировки в Россию, – это не ее вина...

Но приходило очередное утро, звонил Ставинский, у него был веселый и чуть ироничный голос: «Алло, миссис Вильямс? Это ваш муж. Как вы спали, дорогая? Я думаю, не поехать ли нам сегодня за город? Погода роскошная, солнце, теплынь...» И она говорила себе: ладно, подождем еще день, но она уже врала себе, потому что ждала, что сегодня, сегодня у них со Ставинским случится что-то.

На белом, взятом напрокат «ягуаре» Ставинский приезжал за ней в отель – свежий, гладко выбритый, в хорошем французском костюме, который они вдвоем выбрали ему в «Блумингдейле», и снова, после легкого завтрака в отеле, хайвеи и сельские дороги летели под колеса их машины, и Ставинский со смехом превышал дозволенную скорость и швырял на заднее сиденье полученные от полиции штрафы – со штрафами потом разберется CIA, в крайнем случае они переведут эти штрафы в Россию, шутил он.

В отличие от Вирджинии Ставинский хорошо знал, что влечет его к этой женщине. Он влюбился в нее с первого взгляда, еще тогда, в больничной палате. Это была именно та женщина, которую с юности ищет себе каждый мужчина и почти никогда не находит, – женщина, похожая на его мать. И надо же случиться, что он встретил ее именно тогда, когда ему уже сделали пластическую операцию, когда он похоронил самого себя на кладбище в Нью-Джерси и у него нет пути назад – он должен вернуться в Россию, должен ее потерять. Тем дороже были для него все дни, проведенные с ней, тем охотнее он возил ее по ее любимой Америке, по этим кемпингам, отелям, ресторанам, паркам, сорил деньгами – порой ему казалось, что как бы через нее он отдает своей матери то, что недодал. Ведь каждый мальчик мечтает в детстве подарить своей матери целый мир – путешествия по дальним странам, роскошь и комфорт заморских стран, концерты, пляжи, выставки, дорогие рестораны.

У Ставинского было чувство, что теперь он делает это не только ради самой Вирджинии, но и ради матери. И он ждал, он уже с нетерпением ждал этой поездки в Россию – там он покажет Вирджинии то, что в детстве собирался

показать своей маме, – Ленинград и Москву, столичные театры и концертные залы, интуристовские отели, выставки, Большой театр, Пушкинский музей, Эрмитаж, Невский проспект, загородные московские рестораны с грузинской кухней, Дом кино и Дом журналистов – за деньги там можно побывать повсюду, но мама не дожидаясь его денег, мама лежит на саратовском кладбище, так и не осуществив мечту своей юности – побывать хотя бы в Ленинграде...

Он уже знал, что не выдаст операцию КГБ, не станет подвергать риску эту женщину. Черт с ним, думал он о самом себе, черт со мной, не пропаду, а если пропаду – так и черт с ним, со мной, сколько можно жить, загнивая в собственной горечи и желчи, зато хоть напоследок поживу как надо. Конечно, КГБ спохватится и начнет искать того человека, который улетит вместо него из России, и будет объявлен всесоюзный розыск, и значит – по всей стране, в каждом, самом глухом и дальнем отделении милиции будут висеть его фотографии, и хоть ты сделай себе еще одну пластическую операцию (а где в России сделаешь пластическую операцию, там их не делают) – не поможет, рано или поздно КГБ выйдет на него, петля затянется. Ну и что? – бравировал он сам перед собой, можно будет принять яд и кончить с этой жизнью, но зато это будет – ЖИЗНЬ. Он еще успеет пожить в России, и он еще успеет поцеловать эту женщину – там, в Москве...

Честно говоря, он просто трусил, просто боялся прикоснуться к Вирджинии, показать ей свое желание, страсть – кто он для нее? Неудачник, не прижившийся в ее стране. Слабак, который так и не смог адаптироваться и не стал американцем. Да, только и всего. Она принимает его дружбу, его откровенность потому, что они в одной упряжке, потому что таков у нее контракт с CIA. Это их работа – быть какое-то время вместе. И только. Но если он позволит себе что-то большее, как она ответит на это? Даст по морде? Окатит холодом американского презрения? Повернется и улетит в свою Калифорнию? Нет, он не может сейчас позволить себе такую роскошь – потерять эту женщину. Он будет часами рассказывать ей о России, о себе, о своей маме, о бывшей жене, о дочке, о московском телевидении, где проработал двенадцать лет, о Портланде и первых годах эмиграции, даже о Барбаре из «7/11», а потом, отвезя ее в отель, вернется в свой «Шератон», вызовет на час какую-нибудь японку и облегчит накипевшую за день страсть, но не тронет Вирджинию, не прикоснется к ней и ничем не выдаст себя ради того, чтобы ее же не потерять раньше времени.

...Вечером, 27 октября, когда они с Вирджинией прикатили в отель с очередного концерта, их ждал в вестибюле Мак Кери. У него было хмурое и официальное лицо.

19

Мак Кери только сегодня утром прилетел из Стокгольма и днем совещался с Даниелом Дж. Купером. Редактор «Вашингтон геральд» не стал вызывать своего московского корреспондента в Вашингтон, с трудом удалось вытащить Стивенсона хотя бы на день опять в Стокгольм, да и то потому, что в Стокгольме у него шведка любовница. Но толку от их встречи не было никакого – Стивенсон наотрез отказался искать этого полковника Юрышева, а на предложение как бы невзначай встретиться с ним на военном параде на Красной площади сказал скептически:

– Теперь, после убийства Садата, во время военного парада на Красной площади будет такая охрана трибун, что не только встретиться –дохнуть не дадут. Нечего и думать подойти к трибуне военных. Я получил белый пригласительный билет на трибуну журналистов – это триста метров от правительственных трибун, и максимум, что можно сделать, – это снять эти трибуны телеобъективом. Ну и какой толк? Даже если Юрышев будет на параде – как он узнает, что я снимаю его с такого расстояния? Он будет стоять истуканом, как все они, руку под козырек, и все.

Так ни с чем Мак Кери и прилетел назад в Америку, и они с шефом решили закрыть это дело. Во всяком случае, надеяться, что лодка всплывет возле берегов Швеции завтра или послезавтра, нечего – если она не всплыла практически в течение всего октября, то скорей всего русские отменили эту операцию и нужно искать другие способы выйти на этого Юрышева. Но это займет время, и держать тут двух людей – Вирджинию и Ставинского – бессмысленно.

В баре Мак Кери заказал Вирджинии ее любимую джинджиреллу, а себе и Ставинскому водку с оранжадом.

– К сожалению, у нас изменились планы, и эта операция отменяется или... или откладывается на неопределенный срок, – сказал Мак Кери Ставинскому и Вирджинии. – Госпожа Парт, спасибо вам за сотрудничество, вы получите все, что вам причитается за этот месяц, и будем считать, что наш фильм закрыт. Завтра или послезавтра – как захотите – вы можете лететь в Лос-Анджелес, у вас на руках билет с открытой датой. И вот ваш чек. Здесь не указано, что это от CIA, не беспокойтесь. Чек от военной киностудии, так что, если хотите, можете сказать своим друзьям, что вы снимались в фильме для американской армии.

Он увидел, что Вирджиния заглянула в чек и что ее лицо удивленно и обрадованно вспыхнуло от полученной суммы – 7500 долларов. Он усмехнулся:

– Еще раз спасибо. – И повернулся к Ставинскому: – С вами, конечно, несколько сложнее, господин... гм-м... даже не знаю, как вас теперь называть. Во всяком случае, вот ваш чек – здесь ровно треть той суммы, о которой мы с вами договаривались. Чек без фамилии, на предъявителя, так что не потеряйте – утром в банке можете обменять его на наличные или на травел-чеки. Дальше: мы понимаем, что с таким, не своим, лицом вы не можете воскреснуть из мертвых и явиться к дочери, но если хотите, – доктор Лоренц вернет вам ваше лицо. А по поводу вашей смерти – ну, я думаю, что это была обычная полицейская ошибка. Вас ограбили какие-то бандиты, избили, раздели и без сознания выбросили из машины, и вы пару недель провалялись в госпитале, а грабитель с вашими документами попал в автомобильную катастрофу, и по этим документам полиция сообщила дочке о вашей смерти. Так бывает. Подробности и всякие шрамы на теле можно сотворить в той же клинике у доктора Лоренца. Деньги, которые мы вам даем, я думаю, компенсируют этот моральный урон. – Он видел, что для Ставинского это был сильный удар, почти нокаут.

– А что? Русские не дали нам выездные визы? – глухо спросил Ставинский.

– Нет, визы есть. Просто, как я вам сказал, у нас изменились планы, в которые я посвятить вас не могу.

– А если... а если я откажусь от вашего предложения?

– То есть? – не понял Мак Кери. – От денег?

– Нет. – Ставинский усмехнулся. – От денег – нет. А вот снова менять лицо и воскреснуть опять как Ставинский...

– Ну что ж. Я предполагал это. Мы вам поможем изменить фамилию, – сказал Мак Кери. – В принципе, по американским законам любой гражданин может изменить свою фамилию.

– Нет, вы меня не поняли. У меня уже есть фамилия, моя фамилия Вильямс, Роберт Вильямс. У вас на эту фамилию мои документы и виза в СССР. Что, если я туда поеду? Сам. За свой счет.

Такого поворота дела Мак Кери не ожидал.

– И что вы будете там делать? Просто побудете месяц и вернетесь?

– Нет, – сказал Ставинский. – Не думаю. Если вы дадите мне те русские документы, о которых мы говорили, я, пожалуй, и не вернусь.

– А если нет?

– А если нет, я, пожалуй, тоже не вернусь. Что-нибудь там выдумаю. За деньги в России можно и документы купить.

– Что ж. Это нужно обдумать. – Мак Кери вдруг подумал, что именно этот Ставинский и сможет там выйти на Юрышева – он еще не знал как, под каким предлогом, но это уже детали, это можно будет продумать, но... – Знаете, – сказал он, даже повеселев. – Пожалуй, мы дадим вам эти русские документы. И еще кое-что. Когда вы хотите лететь в Москву?

Ставинский посмотрел на Вирджинию. Если бы эта женщина так открыто не обрадовалась полученному чеку и возможности завтра же улететь в свою Калифорнию, может быть, он и не ринулся бы в эту Россию вот так, очертя голову. Если бы она сказала хоть что-то, взглянула на него как-то по-особому... Но нет, она просто отвела глаза, словно ее уже не касались его судьба и его выбор.

– Что ж... – вздохнул он и поглядел Мак Кери в глаза. – Я могу лететь в Россию хоть завтра.

– Ну, завтра – рано. Давайте завтра встретимся где-нибудь после обеда и все обсудим. – Мак Кери нужно было время, чтобы обсудить свою новую идею с Купером.

А Ставинский посмотрел на Вирджинию и спросил как бы мельком:

– Госпожа Парт, вы когда летите в Лос-Анджелес?

– Наверно, утром, – сказала она. Если он так легко, без колебаний готов улететь в свою Россию, то что ж – пусть катится, пусть разрубится, развяжется сам собой этот чертов узел, который связал ее с ним. – Да, утром, – прибавила она тверже.

– Вы разрешите мне проводить вас?

– Ну зачем? Я возьму такси.

– Да, пожалуй... В таком случае всего вам хорошего.

– И вам. Удачи вам в России. До свидания, господин Мак Кери. Благодарю вас. – Она подала руку Мак Кери, потом – Ставинскому, и он... он даже не задержал ее руку на долю секунды!

Она повернулась и быстро пошла к лифту. В номере она рухнула плашмя на постель и расплакалась.

20

Самолет на Лос-Анджелес вылетал в 11.40 утра. Вирджиния еще ночью забронировала себе место по телефону, а теперь собрала вещи и заказала такси. Была маленькая надежда, которую она скрывала сама от себя, что Ставинский позвонит утром или приедет в отель, но нет, этого не случилось. Выходя из

отеля, она даже поглядела украдкой по сторонам – нет ли тут его белого «ягуара» – и вздохнула – «ягуара» не было. Что ж, действительно, так лучше. Все разом отрезано, пусть он катит в свою Россию, пусть исчезнет навек – она вычеркнула его из памяти. Фильм «Чужое лицо» не состоялся, и роман двух главных героев – тоже. Она усмехнулась – горько и иронично. Опять ей не случилось быть актрисой – ни в кино, ни в жизни. Действительно, нужно завязывать с этой профессией, пойти в секретарши или еще лучше – выйти замуж за какого-нибудь спокойного, порядочного человека, врача или адвоката, родить ему детей и жить нормальной человеческой жизнью. Опять в этом Вашингтоне дождь, да еще такой холодный, противный, с ветром. То ли дело в Калифорнии – тепло и по-домашнему уютно. Да, домой, домой, нет ничего лучше дома, какой бы он ни был. Но ведь и Ставинский рвется домой – да, пожалуй, теперь она его понимает. Черт, опять этот Ставинский – забыть, забыть немедленно, выкинуть из памяти...

Такси подкатило к аэропорту, Вирджиния расплатилась с водителем и вышла из машины.

Ставинский стоял в аэропорту возле стойки регистрации билетов, стоял с огромным букетом ярко-красных гвоздик. Она увидела его сразу – напряженного, нервного, с отблеском от алых цветов на щеке. И медленно пошла к этой стойке, везя за собой чемодан на колесиках.

А он стоял, не двигаясь, глядя ей в глаза, стоял так несколько секунд, а потом, только потом шагнул навстречу.

И пока он к ней шел, и пока она шла к нему, в скрещенье их взглядов сгорало все – вопрос, радость, испуг, надежда, доверие и горечь. И из этих опережающих друг друга чувств, полумыслей, из этого трепета рождалось в эти доли секунды то, как они подойдут друг к другу, как встретятся. И – родилось: они разом подняли руки и обнялись так, словно расстались не вчера, а век назад. Да ведь они и расстались вчера навек, и этот век – эта ночь – прошел, и вот они встретились. А потом, словно стесняясь этого порыва, он подал ей цветы («Спасибо», – сказала она негромко), и помог подвезти чемодан к стойке, и подождал, когда она отметит билет, и взглянул на часы: до отлета оставалось тридцать минут, и они еще могли посидеть в баре.

– Может быть, посидим в баре? – сказал он.

– Да, пожалуй... – Она прятала от него глаза, ругая себя за ту откровенную радость, с которой она бросилась в его объятия. Дура, какая дура – зачем показывать ему, что она чувствует, ведь он все равно, все равно улетит в эту Россию, а вышло прямо как в кино, хотя кино-то не состоялось. Во всяком случае, для нее...

– Прямо как в кино получилось... – усмехнулась она, потягивая «Манхэттен». И встряхнула головой – зачем она притворяется? Зачем она врет человеку, которого видит в последний раз в жизни и которого... любит?

– Нет, я правда рада вас видеть, – сказала она и посмотрела ему в глаза.

– Спасибо, – сказал он.

– Когда вы собираетесь ехать в Россию?

– Не знаю... Это зависит от... Ведь меня никто не торопит. Я думаю, Вирджиния, вас кто-нибудь ждет в Лос-Анджелесе?

– Ну... – сказала она неопределенно, она и сама не знала – ждет ее Марк или уже не ждет. – Нас всегда где-нибудь кто-нибудь ждет...

– Только не меня, – сказал он.

– Почему? Может быть, и вас тоже.

– Да? – Он заглянул ей в глаза и повторил: – Да?

– Да, – сказала она негромко.

– Тогда вот что! – сказал он вдруг решительно. – Никакого Лос-Анджелеса! Через двадцать минут есть рейс на Флориду. Мы с вами летим во Флориду. Я богат – у меня есть тридцать тысяч, сейчас я возьму билеты.

– Да вы что?! – почему-то испугалась она.

– Тихо! – приказал он. И даже приложил палец к губам. – Никому! Пошли! – Он бросил на стойку бара пятидолларовую бумажку и решительно зашагал к кассам.

– Подождите, вы что! Я ведь уже чемодан сдала на свой рейс!

– Ерунда! Сейчас мы его вернем. И вообще – плевать на этот чемодан, мы купим другой.

– Вы с ума сошли!

– Конечно! А для чего мне ум? Чтобы сходить с него и возвращаться – именно для этого. Давайте ваш калифорнийский билет, вот так. – Он отнял у нее билет и подошел к кассе: – Два билета во Флориду, пожалуйста. Мистер и миссис Вильямс.

21

К предложению Мак Кери послать Ставинского в Россию искать полковника Юрышева шеф русского отдела Даниел Дж. Купер отнесся без особого энтузиазма. Одно дело использовать этого эмигранта в качестве разменной пешки, а совсем другое – поручить ему всю операцию. Даже если он действительно сможет исчезнуть в России как американский турист и всплыть где-то в Сибири как Иванов, Петров или Сидоров, а затем вернуться в Москву, чтобы искать этого Юрышева, и даже если он найдет этого Юрышева – они ведь снова станут перед проблемой, как вывезти этого полковника на Запад? Нет, если этот Ставинский так уж рвется в свою Россию, то пусть сидит в своем Портланде и ждет. Он ждал шесть лет, подождет и еще пару месяцев. За это время кто-нибудь из московских резидентов CIA выйдет на полковника Юрышева. В конце концов это не так уж трудно. Резидент должен познакомиться с кем-то из служащих Новодевичьего кладбища, где похоронен сын этого Юрышева, и за взятку или за бутылку водки получить доступ к регистрационной книге кладбища. По этой книге можно установить адрес, где проживал покойный сын Юрышева, то есть адрес самого полковника. А если не удастся узнать адрес Юрышева таким путем, то есть еще один. Кто-то из московских резидентов CIA поедет в Кировскую область, в этот «Разбойный бор»,

к леснику заповедника, поживет там, как заядлый охотник, с неделю и попробует у этого лесника выяснить адрес Юрышева. И если полковник Юрышев подтвердит свое желание бежать на Запад, тогда Ставинский поедет в Россию, и лучше всего с той же Вирджинией. Конечно, тут есть риск провалить московского резидента, но если делать все не спеша и аккуратно... помощник начальника Генерального штаба Советской Армии по военно-стратегическим разработкам – эта фигура стоит такого риска. А пока нужно, чтобы этот Ставинский тихо сидел и ждал, а Вирджиния должна позвонить в советское посольство и попросить, чтоб им продлили визы на пару месяцев, потому что... ну, придумайте что-нибудь сами, Мак Кери, сказал шеф, болезнь, срочные съемки, она же актриса, имеет право быть ветреной – сегодня хотела в Россию, а завтра передумала или получила приглашение на съемки...

Мак Кери вышел от Купера и отъехал на машине от офиса CIA, чтобы из телефона-автомата позвонить в отель Ставинскому. Но вместо Ставинского трубку сняла черная горничная, убиравшая номер, – Мак Кери по акценту легко узнал, что она откуда-то из Алабамы или Теннесси.

– Господин, который здесь жил, здесь уже не живет. Я собираю его вещи.

– А где он живет?

– Я не знаю. Босс велел мне собрать его вещи и отнести вниз.

Мак Кери не стал с ней дальше разговаривать, позвонил администратору отеля и выяснил, что Ставинский час назад звонил из Флориды и просил переслать его вещи по адресу: отель «Амбассадор», комната 67, Сарасота, Флорида.

«Та-ак, – подумал Мак Кери, – ничего себе штучки выкидывает этот Ставинский. Получил деньги и тут же умотал во Флориду, даже не предупредил. Вот и поручай ему операцию». Мак Кери порылся в карманах в поисках мелочи – чтобы звонить во Флориду, нужно доллара два. Но мелочи не было. Придется давать оператору номер своего домашнего телефона, чтобы счет за разговор прислали ему на дом. Это дороже, но черт с ним, и так и так представлять в контору отчет за телефонные разговоры. Но комната номер 67 в отеле «Амбассадор» не отвечала – конечно, этот Ставинский купается сейчас в океане, будет он сидеть в номере! Мак Кери оставил для него записку, сказал телефонистке отеля свой домашний телефон и вернулся в офис. Все равно раньше вечера Ставинский в

своем номере не появится. И вообще, что это за фортели откалывает этот Ставинский – говорит, что рвется в Россию, хоть завтра в самолет, а сам улетает во Флориду! Н-да, нужно хорошенько подумать, прежде чем доверять ему операцию. И, пожалуй, следует обсудить это все с Керолом. Последнее время Керол отошел от этого дела. Мак Кери управлялся сам, да и управляться особенно было не с чем, а Керола перебросили в комиссию по составлению доклада конгрессу о трудностях работы CIA. Трудности! Это не трудности, это просто странно, что они вообще еще хоть как-то работают. «Сотрудники CIA не имеют права появляться на территории конгресса... CIA не имеет права вести работу на территории США... CIA не имеет права сотрудничать с ФБР... CIA не имеет права...» А на что же они имеют право? Даже позвонить из собственного офиса невозможно, если хочешь сделать свое дело по-настоящему. Но мало кто из сотрудников следует этому правилу – кому охота из-за каждого звонка тащиться на улицу, в бары, в метро и менять место своих телефонных звонков только из-за того, что у русских есть подслушивающая аппаратура. Если начальство это не беспокоит, если они не хотят скандалить с русскими, чтобы те убрали к чертям свою подслушивающую аппаратуру, то уж сотрудникам тем более наплевать. И сотни секретных операций губятся в самом зародыше, русские узнают о них раньше, чем на двух концах провода вешают трубки. А после этого на всех совещаниях их тычут носом в успехи советской военной разведки и КГБ. Посмотрел бы он, как КГБ стал работать, если бы им вдруг запретили появляться в правительственных учреждениях и пользоваться служебными телефонами. Он вдруг живо представил, как какой-нибудь полковник КГБ бежит на улицу куда-нибудь от Лубянки на Садовое кольцо, чтобы позвонить своему же агенту.

Горько усмехаясь этим невеселым мыслям, Мак Кери пошел искать Керола. Но оказалось, что и Керола нет в офисе – он сидит в библиотеке конгресса над докладом. От безделья Мак Кери заглянул в телетайпную. Все та же серятина будничных сообщений, а о русской подводной лодке опять ни слова... Нет, сегодняшний день положительно не удался. Мак Кери вышел на улицу, сел в свой «форд» 79-го года и поехал в хелс-клуб. Сауна, плавательный бассейн и снова плавательный бассейн, а потом двойная порция джина со льдом – вот что ему сейчас нужно. В конце концов он тоже человек и, как все остальные служащие CIA, может просто отрабатывать свою зарплату и наслаждаться жизнью. Если всю Америку не беспокоит занесенный над нею русский кулак, то почему он, Мак Кери, должен беспокоиться за них за всех?

В хелс-клубе была успокаивающая тишина, в раздевалке голые, завернутые в мохнатые полотенца мужчины курили и смотрели бейсбол по телевизору, а в

сауне было вообще пусто. Распарившись, Мак Кери с удовольствием нырнул в освежающую прохладу бассейна. Конечно, это не океанская вода, в которой сейчас плавает этот Ставинский, но тоже неплохо. Мак Кери вынырнул и широко, красиво поплыл к противоположному краю бассейна...

Он не знал еще, что ровно через десять часов шеф русского отдела CIA Даниел Дж. Купер сам позвонит ему домой, поднимет сонного с постели и скажет:

– Дэвид! Русская подводная лодка «У-137» села на мель в архипелаге Карлскруна.

22

ЗАЯВЛЕНИЕ ШВЕДСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ПРАВИТЕЛЬСТВУ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

27 октября 1981 года было обнаружено, что советская подводная лодка с бортовым номером «У-137» находилась на шведской территории. Она села на мель в шведских внутренних водах в непосредственной близости от запретной зоны военного назначения при входе в Госефьорд из Карлскрунской шхеры.

28 октября Правительство Швеции вручило советскому послу решительный протест против этого грубого нарушения шведского суверенитета.

29 октября Правительство поручило главнокомандующему вооруженными силами Швеции провести расследование причин и обстоятельств нарушения советской подводной лодкой шведских территориальных вод. В ходе этого расследования шведская сторона допросила капитана и штурмана советской подлодки, а также провела инспекцию на борту корабля.

Расследование показало, что навигационные ошибки исключены как главная причина проникновения на шведскую территорию.

На основании этого расследования Правительство Швеции пришло к выводу, что экипаж советской подлодки преднамеренно проник на шведскую территорию

для осуществления недозволенной деятельности. Правительство Швеции вынуждено с изумлением и негодованием констатировать, что подлодка, севшая на мель неподалеку от Карлскруны, вероятно, имела на борту одну или несколько ядерных боеголовок. Предпринятое расследование показало, что можно сказать с большей долей вероятности: в носовой части подлодки имелся ядерный элемент уран-238.

Учитывая чрезвычайное значение случившегося, Правительство Швеции потребовало от Правительства СССР немедленного объяснения, находится ли на борту подлодки ядерное оружие. Правительство СССР игнорировало требование шведского Правительства внести ясность в этот вопрос. Правительство Швеции вынуждено истолковать это как свидетельство того, что Правительство СССР не в состоянии отрицать наличие ядерного оружия на борту подлодки.

Правительство Швеции требует от Советского Союза недопущения впредь грубых нарушений такого рода шведского суверенитета и фундаментальных принципов международного права.

Стокгольм, 5 ноября 1981 года.

23

Что нужно тридцатичетырехлетней женщине для счастья? Слава? Обожание толпы? Главная роль в голливудском фильме и портреты на рекламных плакатах в сабвее? Виллы на берегу Средиземного моря, в Мексике и на Беверли-Хиллз? Пять, восемь или даже сто двадцать три любовника – каждый со своими собственными самолетами, «роллс-ройсами» и яхтами?

Или ей нужен один – всего-навсего один мужчина, ее мужчина?

Поджав колени, Вирджиния уютно лежала в постели и улыбалась своим мыслям. Она чувствовала, что счастье светится в ней, как огоньки рождественской елки. Только что ей приснился замечательный сон, что она родила сына, и это был веселый, красивый, темноглазый мальчик, похожий сразу и на нее, и на Ставинского, он смешно бегал по какому-то саду и путал английские и русские

слова. Вирджиния так рассмеялась во сне, что проснулась от этого и, лежа теперь с открытыми глазами, смотрела на спящего рядом с ней Ставинского. От его тела шло тепло, его спящее лицо разгладилось от вечной напряженности, и Вирджиния пыталась угадать по этому лицу – а каким же он был до пластической операции? И если у них действительно родится ребенок, на какого Ставинского он будет похож – на того, настоящего, до пластической операции, или теперешнего? Ну конечно, на того, прежнего, но вчера и сегодня ночью, когда Ставинский сказал ей, что не поедет теперь ни в какую Россию, а вернет себе прежнее лицо и увезет Вирджинию из Голливуда куда она хочет, – хоть во Флориду, хоть на Аляску, откроет там свою зубопротезную лабораторию и они купят дом (у него теперь есть деньги на собственный бизнес), – она сказала «да». Да, только... не нужно снова менять лицо, она уже любит это. А дочке, его дочке Оле они скажут что-нибудь – ну, скажут, что его так избили грабители, сломали нос и т. д., что вот – пришлось делать пластическую операцию. Но нет, не нужно думать ни о каких посторонних вещах, это заслоняет приснившегося сына, а нужно закрыть глаза и удержать этот, еще, возможно, оставшийся в ресницах сон.

Вирджиния закрыла глаза. Утреннее, южное, пробивающееся сквозь шторы солнце окрасило ей ресницы оранжевым окоемом, тихий плеск океана под окнами отеля напоминал, что пора встать и пойти поплавать, пока не жарко, но – лень, жалко будить Романа, он, наверно, здорово устал за эту ночь, ведь они почти не спали. Ставинский оказался именно ее мужчиной, и все в нем было будто специально под ее, Вирджинии, размер.

Тихий треск телефона прервал ее мысли. Удивляясь, кто это может звонить им в такую рань, Вирджиния осторожно, чтоб не разбудить Ставинского, подвинулась к краю кровати и сняла трубку.

– Алло?

– Извините, – сказал знакомый голос. – Могу я поговорить с господином... Вильямсом?

Это был Мак Кери, она узнала его голос и теперь растерялась – что сказать?

– Алло! – настойчиво повторил голос в трубке. – Вы меня слышите? Это комната господина Вильямса?

Ставинский открыл глаза. Вирджиния закрыла трубку ладонью, сказала шепотом:

– Это Мак Кери.

– Черт! – сказал Ставинский и взял трубку. – Алло! Да, это я. Нет, я не могу. Послушайте, Дэвид, мы кончили это дело, не так ли? А теперь у меня изменились планы: я остаюсь в Америке. Да, она здесь, но мы никуда не поедем. Нет. Пока!

Он почти швырнул трубку на телефонный аппарат. Вирджиния глядела на него вопросительно, он сказал:

– Теперь они хотят, чтоб мы срочно летели в Россию. Дудки им! Иди сюда! – И он с новой силой привлек к себе Вирджинию.

24

Через три часа в Сарасоте к отелю «Амбассадор» подъехало такси. Мак Кери расплатился с водителем и пошел искать Ставинского. Портье сказал, что господин Вильямс с женой могут быть либо в плавательном бассейне, либо на пляже, либо укатили куда-нибудь на прогулку. В крытом плавательном бассейне голые женские тела дразнили Мак Кери свежим загаром, крутыми линиями бедер. В самом бассейне прямо в воде был бар, можно было, не выходя из воды, выпить джина с тоником, коктейль или все, что вздумается. «Еще бы, – подумал Мак Кери, – из такого заповедника неги ехать в какую-то Россию, где уже холод собачий, КГБ и прочие русские прелести, – кто же захочет? Тем паче если ты при деньгах да с такой бабой!»

Он выглядел здесь дико – в костюме, в рубашке с галстуком. Злясь на себя, что не заехал домой переодеться, и на этого Ставинского, Мак Кери оглядел бассейн, лежащих, расслабленно нежащихся в тепле и солнце мужчин и женщин и, не найдя здесь ни Ставинского, ни Вирджинии, отправился на пляж. Но на пляже было пусто – полуденное солнце пекло так, что весь пляж перекочевал либо в бассейн, либо вот на те маячащие в океане прогулочные яхты. Чертыхаясь, Мак Кери двинулся к причалу. Десятки частных яхт стояли здесь

особым, отрешенным от земли мирком – целые семьи живут на них круглый год, презрев земную жизнь с ее погоней за деньгами, властью и политическими страстями. Кормятся рыбной ловлей, мелким ремонтом яхт богатых яхтсменов, катанием туристов, поделкой сувениров и блаженствуют в этой раковине вечного тепла, океанического воздуха и отрешенности от мирских страстей.

Мак Кери нашел Ставинского и Вирджинию в самом конце причала – они сидели под тентом небольшого кафе, и их розово-белые, еще не загорелые тела резко выдавали в них новоприбывших.

– Добрый день, – подсел к ним Мак Кери. – Роскошная погода во Флориде, правда? – И заказал подскочившему официанту: – Коку и устрицы. – И опять повернулся к Ставинскому и Вирджинии. У Вирджинии было смущенное лицо, а лицо Ставинского замкнулось. Мак Кери понял, что предстоит тяжелый разговор, и решил сразу взять быка за рога. – Вот что, друзья... Я знаю, что незваный гость хуже татарина – так говорят в России. И я очень не хочу портить вам отдых. Поэтому я расскажу вам все как есть.

Ровно два месяца назад в Москве корреспондент «Вашингтон геральд» случайно встретил на Новодевичьем кладбище помощника начальника Генерального штаба СССР полковника Юрышева. И этот Юрышев сказал ему, что хочет бежать на Запад. За этот побег, за то, чтоб мы вывезли его из СССР, он готов передать нам все секреты советского командования. И он назначил срок побега – в начале октября, когда у берегов Швеции сядет на мель советская подводная лодка, он уходит в отпуск, уезжает в Кировскую область, в какой-то заповедник «Разбойный бор» и в течение этого отпуска ждет от нас сигнала. Поэтому всю первую половину октября мы сидели как на иголках и ждали эту подводную лодку. Но ее не было, мы решили, что дело сорвалось, и отпустили вас. Но сегодня ночью эта лодка появилась. Она села на мель именно у берегов Швеции, командир лодки говорит, что это случайность, что у них испортилась навигационная аппаратура и так далее. Но мы-то знаем, что это вранье, это было запланировано еще два месяца назад, хотя никто не знает, зачем им это нужно. Знает Юрышев, знает не только это, он знает все о военных планах СССР. И сегодня этот Юрышев – одно лицо с вами, Роман, смотрите. – Мак Кери вытащил из кармана конверт с подлинными фотографиями Юрышева, сделанными Стивенсоном на Новодевичьем кладбище. Действительно, с фотографий смотрело на них лицо Ставинского – такое же хмуро-решительное, волевое, с напряженным взглядом.

Сегодня в мире есть только один человек, который может вытащить этого Юрышева оттуда, – это вы. Вся операция готова, все документы у нас на руках, и уже пошел отсчет дней – с сегодняшнего дня в нашем распоряжении три недели, срок его отпуска. Вот и все, я вам все сказал. Конечно, трудно отсюда, от этого тепла и океана, ехать в какую-то Россию, но два месяца назад вы согласились на это сами, добровольно. И у нас уже нет времени искать вам замену. Вся операция привязана к вам.

– Вы зря приехали, Дэвид, – сказал Ставинский. – Позавчера вы отпустили нас, рассчитались. Теперь у меня уже нет никаких обязательств перед вашей организацией. Вы скажете, что прошел всего день, но иногда за один день случается то, чего ждешь всю жизнь. И со мной это случилось. Я люблю эту женщину, и ради нее я остаюсь в Америке. Скажем еще точнее: я люблю ее уже месяц, с того момента, как увидел, но до позавчерашнего дня я принадлежал вам. Позавчера вы сами расторгли наш контракт. И с этой минуты я уже вам не принадлежу, я принадлежу ей. Я не изменял вам, пока у меня был контракт с вами, тем более я не изменю ей. Это логично, не так ли?

– Может быть, это и логично, – сказал Мак Кери, – но есть вещи, которые...

– Послушайте, – перебил Ставинский. – Пока я не знал, кого я там должен подменить, пока это было тайной для меня, я еще думал, что за этим стоит что-то сверхъестественное. Какой-нибудь ученый с секретом новой атомной бомбы или академик Сахаров. Я гадал, кто это – сын Брежнева? Валленберг? Короче, я думал, что это будет какая-то сенсация, взрыв. А это всего-навсего какой-то вшивый полковник, который знает какие-то секреты Генштаба. Как говорят в Одессе, агицын трактор! Слушайте, я вам скажу: будете вы знать секреты Генштаба или не будете – Америка все равно проиграла Советам, уже проиграла. Они оторвали у вас полмира, и каждый день отрывают все новые и новые страны, и даже не отрывают – вы сами отдаете. Вы ведете себя, как богачи, которые хотят отделаться на улице от наглого нищего, – ладно, брошу ему дайм – пусть отстанет. А нищий все наглеет и наглеет – за даймом тянет из вас доллар, сто долларов, пальто, дом, машину, жену и, наконец, детей. А вы все отступаете и отступаете, вы хотите спрятаться от этого, хотите, как вот эти люди на этих яхтах, жить без проблем. Лишь бы сегодня вам было хорошо, лишь бы сегодня Советы не бросили танки на Бродвей, за это вы им отдадите и деньги, и зерно, и жену, и любовницу, и Кубу, и Израиль, и Европу, и даже эту Флориду. И поэтому вы проиграли – именно потому, что вы богатые, сытые, разнеженные своей легкой жизнью. Вам есть что отдавать день за днем. А что

будет завтра – вы не думаете, не хотите думать. Предложите любому американцу такой выбор: сегодня выиграть в лотерее сто долларов или через пять лет миллион – и каждый вам скажет: дай мне сто долларов сегодня. А в СССР ежедневно каждый отдает государству все за обещания, что через двадцать, через тридцать, через сто лет будет такая жизнь, как у вас здесь. Они там были голодные вчера, голодные сегодня и будут голодные завтра, и поэтому они победят вас, голодный всегда сильнее сытого, это закон природы. Вы обречены на гибель – через десять, максимум пятнадцать лет русские ребята будут петь «Шумел камыш» в вашем Белом доме. Так какая разница – узнаете вы их планы или нет. Как в одном еврейском анекдоте сказал один раввин девушке, которая пришла к нему перед брачной ночью: «Голая ты ляжешь к жениху в постель или в ночной сорочке, это уже не имеет значения – он тебя все равно трахнет». А если вы уж так хотите узнать планы СССР, так я вам их скажу не сходя с этого места – засоветить весь мир. Забрать у вас нефть, золото, заводы, землю, реки, города – все. Вы где-нибудь видели бандита, который идет грабить прохожего и забирает у него только половину? Если вы хотите узнать их планы, откройте Ленина, у него все изложено – свержение капиталистических правительств во всем мире. Вот и все. В России это знает каждый школьник. Но когда говоришь об этом вам, американцам, вы отмахиваетесь. Вы говорите, что русские эмигранты заражены комплексом ненависти к коммунистам и занимаются пропагандой. А коммунисты тем временем делают свое дело – за шестьдесят лет у них в руках уже больше, чем полмира, – от Китая до Югославии и от Вьетнама до Никарагуа. А вы все гадаете, какие у них планы. Смешно. Поэтому я никуда не поеду. Давайте есть креветки, пока они есть. Когда русские придут сюда, это все кончится. Но пока... Я уже тоже стал американцем, я хочу жить сегодняшним днем. Ваше здоровье! – Ставинский налил в бокалы холодное итальянское вино, но Мак Кери отодвинул запотевший бокал.

– Видите ли, Роман, – сказал он, – все, что вы говорили сейчас об Америке, может быть, и справедливо. Но не забывайте, что если русские действительно придут сюда, то Америка кончится не только для американцев. Она кончится для вас и для вашей дочери. Вы же понимаете, что русские в первую очередь прикончат эмигрантов из России. В лучшем случае всех вас просто загонят на Аляску в очередной ГУЛАГ. Если вы действительно любите Вирджинию и захотите вернуться к ней из России, мы вас оттуда вытащим. Вытащить простого зубного техника куда легче, чем полковника Генштаба, и к тому же у нас будет не какое-то время. А сейчас мы в цейтноте. Запомните: наша страна, Америка, дала вам гражданство, когда вы бежали из СССР. Она дала образование вашей дочери и сейчас подарила вам одну из своих лучших женщин. И эта же страна нуждается

в вас, именно в вас и именно сегодня. Уж вы-то знаете, что такое советская угроза. Подумайте об этом и позвоните мне завтра в Вашингтон. До свидания, Вирджиния, извините, если я немножко испортил вам отдых. – Мак Кери поднялся из-за столика и, не оглядываясь, ушел по длинному причалу.

Ставинский и Вирджиния смотрели ему вслед. Флоридское солнце дрожало в бокале вина, которое не допил Мак Кери.

25

Весь день Ставинский не вспоминал о разговоре с Мак Кери. И Вирджиния тоже. На парусной яхте они уплыли далеко в океан («Сорок долларов в час, сэр, всего сорок долларов!»), затем обедали в кубинском ресторане («Очень острая кухня, Вирджиния, ну их к чертям!»), а вечером в ночном баре Ставинский остановился у телевизора, по которому передавали новости. «Советские войска в Анголе... Советские танки в Афганистане... войдут или не войдут советские войска в Польшу... Советская подводная лодка у берегов Швеции – есть ли на ней атомное оружие?..»

Ставинский махнул официанту и заказал себе двойную порцию чистой водки. Молча выпил и тут же заказал еще. После третьей рюмки Вирджиния остановила его:

– Роман, не надо больше.

Он посмотрел ей в глаза, спросил:

– Ты знаешь, о чем я думаю целый день?

– Знаю, – сказала она.

– Я должен ехать.

– Знаю. Мы должны ехать.

– Иначе я не прощу себе этого всю жизнь.

– Мы поедем. Но я хочу... я хочу, чтобы ты разрешил мне оставить ребенка.

– Что-о?

– Наверно, у нас будет сын – я видела его сегодня во сне. Пожалуйста, не пей больше.

Он смотрел ей в глаза и не знал, что сказать. Всего два месяца назад он ненавидел эту страну за то, что она соблазнила его издали и переломила его жизнь сразу из молодости в старость, из силы в слабость, из кипучей деятельности в немощь, и за это он хотел предать ее, вышвырнуть из своей жизни и при первой же возможности дать КГБ знать о цели своего приезда. И он уже начал платить за это предательство – расстался с дочерью, изменил себе лицо, похоронил себя самого на кладбище в Нью-Джерси. Потому что он хотел жить – жить, а не прозябать. Но эта женщина, так похожая на его маму в молодости, все перевернула к чертям собачьим.

Конечно, ни о каком предательстве не может быть речи и ни о каком сотрудничестве с КГБ – теперь у него есть что защищать в Америке от советских танков. У него тут взрослая дочь, любимая женщина и... черт побери, у него тут будет сын! Это уже целая семья, это уже своя Америка в Америке! За это можно и повоевать с Советами, чтоб они все-таки не пели «Шумел камыш» в нашем Белом доме! А там будет видно – авось с помощью CIA он еще вернется сюда из России и снова будет с Вирджинией на этом пляже.

– Ты знаешь... – сказал он. – Я люблю тебя. Я тебя очень люблю. И хочу – ужасно!

Она улыбнулась:

– Я – тоже.

ДНЕВНИК СОБЫТИЙ, СВЯЗАННЫХ С СЕВШЕЙ НА МЕЛЬ СОВЕТСКОЙ ПОДВОДНОЙ ЛОДКОЙ

Стокгольм, 6 ноября (Рейтер) – настоящие записи являются хронологией главных событий, происшедших с того момента, когда советская подводная лодка с бортовым номером «У-137» села на мель в запретной военной зоне шведских территориальных вод.

27 октября – советская патрульная подводная лодка быстроходного класса врезается в отмель среди островов, расположенных вблизи балтийской военно-морской базы в Карлскруне на южном побережье Швеции.

28 октября – шведское рыболовное судно замечает подводную лодку, которая уже в течение 12 часов оставалась не обнаруженной шведскими вооруженными силами. Советский посол дважды вызывается в министерство иностранных дел для выражения протеста по поводу «вопиющего нарушения шведских территориальных вод». Советские военно-морские силы направляются в район аварии.

29 октября – шведская оборона отвергает утверждение советского посла, что судно сбилось с курса в густом тумане и вошло в запретную зону из-за навигационной ошибки. Правительство Швеции назначает официальное расследование и отдает распоряжение допросить командира подводной лодки Петра Гущина.

30 октября – Гущин отказывается покинуть судно и заявляет о том, что будет отвечать на вопросы только в присутствии советских дипломатов. Двум советским дипломатам, посланным в Карлскрун, отказано в посещении запретной зоны.

31 октября – в связи с ухудшением погоды подводная лодка начинает крениться набок. Гущин ждет дополнительных распоряжений своего командования и продолжает отказываться покинуть судно.

2 ноября – после получения разрешения из Москвы Гущин поднимается на палубу шведского торпедного катера, где подвергается допросу экспертами военно-морских сил. Погода ухудшается, и экипаж советской лодки посылает

сигнал бедствия. Два шведских буксира стаскивают лодку с камней и при сильном штормовом ветре отбуксовывают ее в Сейфе-Бес.

4 ноября – Москва впервые сообщает о том, что подводная лодка «У-137» села на мель по вине неисправного навигационного оборудования. Министерство обороны Швеции раскрывает секрет испытаний новой противолодочной торпеды, которые проводились советскими Вооруженными Силами вблизи того места, где «У-137» села на мель.

5 ноября – премьер-министр Торбьерн выступает с заявлением, что, по всей вероятности, советская лодка имела на борту одну или более единиц ядерного оружия.

6 ноября – подводная лодка «У-137» отбуксирована шведскими буксирами в нейтральные воды.

Часть вторая

Русский камикадзе

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

СРОЧНО

Москва, ЦЕНТР

Второму

ШИФРОГРАММА

В связи с Вашим приказом № СС939/7 выяснить имена пациентов доктора Роберта Вильямса из города Потомак, штат Мэриленд, доношу:

Нашему агенту, под видом конкурирующего с доктором Вильямсом зубного врача, удалось нанять (за триста долларов) двух уголовников кубинского происхождения, которые проникли в закрытый по случаю отъезда в свадебное путешествие офис доктора Вильямса и изъяли его картотеку. Картотека была переснята и возвращена на место без всяких следов похищения. Изучение картотеки показало, что среди клиентуры доктора Роберта Вильямса значатся сенаторы С. Маквейн, Д. Дженинсон, конгрессмены М. Волтер, Д. Парксон, сотрудники Госдепартамента различных рангов. Доступ к каждому из них представляет собой огромную ценность для нашей разведки.

Убедительно прошу принять все возможные меры к вербовке доктора Вильямса. Значение этой операции трудно переоценить.

Подпись:

ЧЕТВЕРТЫЙ

Принято шифровальным отделом КГБ

из Вашингтона 4 ноября 1981 года

в 13 часов 05 минут

РЕЗОЛЮЦИЯ:

Начальнику туристического отдела полковнику Орлову:

Вербовку доктора Вильямса возьмите под личный контроль. Об исполнении доложить мне лично.

Ю. Андропов

5 ноября 1981 года

Майор Незначный стоял в вестибюле Московского театрального института и зло поглядывал на проходивших мимо него студентов. Вот уж где бардак так бардак! Звонок на лекцию прозвучал двадцать минут назад, а эти бездельники только-только тянутся в институт – лица заспанные, девицы курят, все в джинсах, куртки и пальто бросают, не отряхнув от снега, на вешалку и, оставшись в каких-то диких безрукавках с яркими надписями и рисунками на груди и на спине, расходятся, в обнимку друг с дружкой, по аудиториям. Эта их манера ходить в обнимку – даже парни ходят парами, педики они тут все, что ли? – злила Незначного больше всего.

Десять лет назад Незначный окончил юридический факультет МГУ, то было нелегкое для него время, он ходил на лекции в латаных брюках, жрал в то время одну картошку, да и то не досыта, подрабатывал грузчиком на железнодорожных вокзалах, а летом их всех, студентов Московского государственного университета, отправляли в колхозы вручную окучивать и собирать помидоры, картошку, капусту... Послать бы вот этих стилиг на картошку, чтоб потаскали в дождь по чернозему грязные килограммов по тридцать мешки!

Но хуже всего, что нет этой мерзавки Оли Маховой. Незначный посмотрел на часы. 23 минуты десятого! Весь день пойдет враскосяк, если она не появится. Через шесть часов прилетают Вильямсы. Месяц собирались, сукины молодожены! Он еще в начале октября открыл им визы, вся операция была на стреме, и Незначный, как режиссер перед премьерой, отрепетировал со всеми своими штатными и нештатными сотрудниками все детали операции и ждал, празднично-напряженный, их приезда со дня на день. Он был тогда на таком подъеме, что, если б мог, встречал бы их у трапа самолета с цветами. Но они не ехали. Черт их знает, почему – ведь не позвонишь и не спросишь! В этом беда его работы – ты готовишься, ты ночами не спишь, истачивая свой мозг выдумыванием хитростей, ловушек, капканов, отрабатываешь с помощниками все возможные ситуации, ты отрываешь от дела занятых людей – художников, артистов, врачей, ученых, ты договариваешься с ними, что тогда-то и там-то они примут и окружают русским гостеприимством каких-нибудь там техасских нефтяных магнатов, а эти чертовы магнаты – бац, и не приезжают. И весь спектакль сорван, и вся тяжелая, подчас месячная подготовка – коту под хвост, и ты ходишь злой, как собака, бросаешься дома на жену, как на врага. А начальству плевать, что эти Вильямсы, Смиты или Джойсы решили отложить

поездку, – начальству давай план по вербовке новых агентов, иначе ни премиальных, ни прогрессивки, ни новой звездочки на погонах. А потом – вдруг аврал, шифровка из Вашингтона – летят эти Вильямсы. День неудачный, предпраздничный, 6 ноября. Весь КГБ мобилизован на охрану порядка в дни праздника Октябрьской революции, завтра в центре Москвы оперативных работников КГБ будет не меньше, чем милиции, – 6200, треть дивизии имени Дзержинского. И все начальство взвинчено до предела – мало ли какой фортель может выкинуть какой-нибудь еще нераскрытый сумасшедший диссидент или еврей-отказник. Плакат из-за пазухи вытащит или бутылку с керосином, чтоб сжечь себя на глазах у иностранцев. Конечно, это не его, Незначного, забота, это совсем по другим отделам идет подготовка. Всех подозрительных диссидентов, евреев-отказников, пятидесятников и поволжских немцев взяли на эти дни под прямой контроль, но пойдя угадай, что за пазухой вон у того длинноволосого очкарика. Может, он завтра с бомбой придет на Красную площадь или с плакатом «Свободу Польше!», и как раз рядом с ним окажутся эти Вильямсы! Черт, где же эта сучка Махова? Хуже всего, что она еще не знает о приезде этих Вильямсов и начале операции. Незначный сам узнал лишь за день до прихода вашингтонской шифровки, когда из «Аэрофлота» прибыли списки пассажиров рейса Брюссель – Москва. И за эти три дня эта девка ни разу не ночевала в своем общежитии и не была в институте. Незначный обзвонил и деканат актерского факультета, и в общежитии оставил ей записку, но – как сгинула! Зная эту Махову уже год, Незначный не сомневался, что она опять днюет и ночует у какого-нибудь очередного хахалю – художника или фотографа. Это худенькое, длинноногое существо с узкими худосочными бедрами, маленькой грудкой, белобрысыми до плеч волосами и большими синими глазами, с детским лицом и невинно-порочными губками, обладало каким-то магической силы сексуальным позывом.

Не было мужика, который мог бы равнодушно отвести глаза от ее фигурки. Словно внутри этого тощего тельца бился какой-то второй пульс сексуальности, а сама Махова была лишь оболочкой этой притягивающей бесовской силы. Даже начальник французского отдела майор Гаспарян при виде этой Олечки прищелкивал языком и предлагал Незначному любой обмен – хоть троих, хоть пятерых своих, работающих с французами проституток взамен этой Маховой. Но Незначный не согласился – это был его «кадр», его личная находка.

Год назад в гостинице «Украина» он своими руками стащил эту Махову с одного тридцатилетнего канадца, нарочно не дал ей одеться и привез в закрытой машине прямо в КГБ. Рыдая, она умоляла его не сообщать в институт. Все, что угодно, – только не сообщать в институт! Еще бы! Приехать откуда-то из

сибирской глуши, из Братска, и без блат поступить в лучший в стране театральный институт, где конкурс – 47 человек на место и откуда прямая дорога в кино и на сцены московских театров. И вдруг через две недели после начала занятий в номере интуристовской гостиницы КГБ снимает тебя с заезжего канадца. Выпрут из института в пять минут да еще с такой записью в трудовой книжке – не только в театр, а даже в сельский клуб на работу не примут. Вся жизнь сломана. Поэтому никакого труда не стоило завербовать эту девчушку и сделать ее агентом.

Он мог тогда же, да и в любое время после этого переспать с ней – для нее это пустое дело, и она сама не раз дразнила его намеренно задранным подбородком и заголенными коленками, а то и просто подначивала: «Вы, Фрол Евсеич, какой-то бесчувственный! Неужели у вас жена есть?» Ничего, когда-нибудь он ей покажет, какой он бесчувственный, но пока... Он хорошо знал, что стоит ему переспать с этой Маховой, как вся его власть над ней пошатнется, убудет. У нее и так ветер в голове, сумасбродка, может опоздать на операцию или, наоборот, вцепится в очередного «крестника» так, что того сутками от нее не оторвешь.

Два месяца назад Майкл Ленхарт, президент крупнейшей строительной фирмы из Торонто, трижды откладывал свой отлет из Москвы и каждый раз платил валютой за новый билет, он бы и в четвертый раз заплатил, если бы у этой Оли не начались месячные. Но билеты – пустяк, этот Ленхарт уже платит КГБ куда больше – и не деньгами – за свои московские удовольствия и не жалеет, а мечтает прилететь в Союз снова. Неделю назад пришла его анкета для получения новой визы. Но теперь пусть подождет, пока Махова обслужит Роберта Вильямса. «Где же она, эти ее в душу в мать?! Вышвырну к черту из института!» – матерился про себя Незначный, нервно поднимаясь на второй этаж к аудитории второго актерского курса, чтобы проверить, не проскочила ли каким-нибудь чудом эта Махова мимо него.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

CIA – ЦРУ.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/eduard-topol/chuzhoe-lico-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)